

(δοξαριούμης)¹⁾ о Господѣ, ибо только въ Немъ, или въ общеніи съ Нимъ, возможно духовное укрытіе (Фил. 4, 13); и въ державѣ крѣпости его (ср. 1, 19): дѣйствующею въ христіанахъ силою является всемогущая сила Господа, безконечно превосходящая всякія вражескія козни. „Не бойтесь, возложите надежду на Бога, и Онъ все облегчитъ для васъ“²⁾. „Отложите всякую боязнь, охраняемые силою Божіею“³⁾.

Чего именно требуетъ наша духовная брань съ врагомъ. Апостолъ раскрываетъ далѣе: *облечитесь во вся оружія Божія* (τῆν πανοπλίαν τοῦ Θεοῦ), *яко возиощи вамъ стати противу кознемъ диавольскимъ: яко нѣсть наша* (ἡμῶν)⁴⁾

— — — — —

въ 8¹ В. D. E. 17. Arm., Aeth., блж. Иеронимъ, М. 26, 542). Обширнопонятная ссылка, что посланіе къ Ефесянамъ имѣетъ окръжной характеръ, и потому ἀδελφοί μου, какъ указывающее на ближайшее отношеніе Апостола къ читателямъ, совершенно непонятно (Oltmanns, III, p. 386 Note; и др.), является слишкомъ субъективнымъ и опровергается рѣшительно сказаннымъ о назначеніи посланія

¹⁾ Въ В. 17. Orig., Catenae, VI, p. 213 стоятъ δοξαριούμης. Ср. Колос. 1, 11.

²⁾ См. I. Злагоустъ (Migne, 62, 158).

³⁾ Тамъ же. Теодоритъ (Migne, 82, col. 552).

⁴⁾ Число ἡμῶν (8. A. D¹, E. L., почти въ minusc., Vulg., Syr., Syr-Philox., св. I. Злагоустъ, бл. Теодоритъ; также: T. № 24, л. 54 об.; „нѣсть намъ“; C. № 16, л. 402: „наша брань“, Погод. № 27: „нѣсть намъ брани“; Погод. № 29, л. 80 об.: „нѣсть намъ брань“) въ позднѣйшіе критики предпочитаютъ читать брань (B. D¹, F. G. minusc.³ Syr.-Peschit., Амвросіастъ; также: I. № 24, л. 72 об.: „нѣсть наша брань“; P. № 1695, л. 44 об.; C. № 9, л. 119, № 15², л. 62 об.; H. № 101, л. 80; Гильф. № 13, л. 171 об.; A. 14, 15; Погод. № 14, л. 86; въ некоторыхъ спискахъ стоятъ просто „нѣсть брань“ [P. № 1698], съ пропускомъ ἡμῶν, или брань), такъ что слово мѣсто звѣршеному и неизменному, тождественному, слово основному въ простомъ числѣмъ: πρὸς τὸ δοξαριούμης ἡμῶν.

оранъ къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и ко миродержителемъ¹⁾ тмы вѣка сего (τοῦ σκότους τοῦ αἰῶνος τούτου)²⁾, къ духовомъ злобы поднебеснымъ (πρὸς τὰ πνευματικὰ τῆς πονηρίας ἐν τοῖς ἐπουρανίοις)³⁾. Ст. 11. 12.

Христіанинъ есть духовный воинъ, который обязанъ вести неустанную борьбу съ діаволомъ. Образъ христіанина— воинъ вѣтрѣается и въ другихъ посланіяхъ св. Павла (2 Корин. 10, 4; 1 Солун. 5, 8; 1 Тим. 6, 12; 2 Тим. 2, 3; 4, 7). Судя по его ближайшимъ чертамъ, онъ могъ быть заимствованъ изъ Вѣтхаго Завѣта⁴⁾, но вполне вѣроятно, что св. Апостолу предносился здѣсь образъ римскаго воина оплита⁵⁾. Въ словахъ: ἐνδύσασθε τὴν πανοπλίαν τοῦ Θεοῦ сила рѣчи, по мнѣнію однихъ, поконится на τὴν πανοπλίαν⁶⁾, по мнѣнію другихъ— на τοῦ Θεοῦ⁷⁾. Если *πανοπλία* переводить точно,—какъ въ нашемъ славянскомъ текстѣ: *вся оружія*, полное оружіе, или всеоружіе (блж. Иеронимъ: *omnia arma*), а не просто: оружіе (*Vulg.: armaturam*),—то легко открывается справедливость перваго пониманія; оно оправдывается и дальѣйшею рѣчью, гдѣ св. Павелъ указы-

¹⁾ У св. м. Алексія переводъ точный: „къ началомъ, къ властемъ, къ миродержителемъ“.

²⁾ Обыкновенно принимается болѣе краткое чтеніе: τοῦ σκοτους τούτου (S¹. A. B. D. F. G. Vulg., Copt., Syr.-Peschit.).

³⁾ Древне-славянскія чтенія см. въ объясненіи Ефес. 2, 2, стр. 353.

⁴⁾ Ис. 59, 17: καὶ ἐνεδύσατο δικαιοσύνην ὡς θώρακα; ср. Ефес. 6, 11: καὶ ἐνδύσασθαι τὸν θώρακα τῆς δικαιοσύνης. Ис. 59 17. καὶ περιέθετο περικαυφαλαίαν σωτηρίου ἐπὶ τῆς κεφαλῆς; ср. Ефес. 6, 17—Ср. также Прем. 6, 17—20.

⁵⁾ Meyer, s. 264; Ellcott, p. 145.

⁶⁾ Meyer, s. 263. 264; Haupt, s. 243 244; Ellcott, p. 145. *Orhamus*, III, p. 387.

⁷⁾ Harless, s. 533.

насть величайшее христіанское оружіе; изъ текста не видно, что вооруженію Божію противопоставляется другой родъ оружія, именно, оружіе плотское (ср. 2 Коринт. 10, 4).

Всеоружіе, даруемое Богомъ, необходимо для того, чтобы противостать диаволу, дѣйствующему со всякою хитростью и коварствомъ¹⁾. Борьба ведется именно не съ „кровью и плотию“, т. е. не съ слабыми и смертными людьми²⁾, а съ „началами и властями“. Какъ между добрыми ангелами есть престолы, господства, начала и власти, такъ и въ царствѣ тьмы существуютъ также свои „начала“ (principes) и свои „власти“ (potestates); врагъ силенъ и могущественъ; царство тьмы имѣетъ свое устройство, свою опредѣленную организацию, рассчитанную, конечно, на то, чтобы дѣйствовать съ большимъ искусствомъ, методичностью. Чтобы сильнѣе указать на опасность врага и потому необходимость духовной трезвости и бодрствованія, св. Апостолъ называетъ злыхъ духовъ *міродержителями тьмы въѣка сего*: они міродержцы духовной и нравственной тьмы, — тьмы язычества, грѣха и заблужденія, они властвуютъ не надъ твореніемъ, а надъ злыми, слѣдующими въѣку лукавому (Гал. 1, 4). „Міродержителями—говорить св. І. Златоустъ—называетъ диаволовъ не потому, чтобы они держали міръ, а потому, что они настоящіе виновники зла въ дѣлѣ“ (ὅς τὸν πονηρὸν ἔργων οὕτως αἰτίους)³⁾.

— — — — —

¹⁾ Ср. примеч. *μεθ' ὧν* см. изъясненіе 4, 14, стр. 551. 552.

²⁾ Въ другихъ мѣстахъ встрѣчается *σὰρξ καὶ αἷμα* (Мат. 16, 17; 1 Коринт. 15, 50; Гал. 1, 16; чтече Евр. 2, 14: *σαρκὶ καὶ αἵματι*); снотворно по сѣ заврсно *αἵματος καὶ σαρκός*). „Плоть и кровь“ означаютъ а) природу челоѵѣка со стороны ея тѣлесной, т. е. отъ чисто духовныхъ сущностей (1 Коринт. 15, 50, Евр. 2, 14); б) поделъ, по ихъ смертности, конечности, ограниченности и протд. (Мат. 16, 17, Гал. 1, 16).

³⁾ Мат. 6, 159

Вражескія силы многочисленны¹⁾; существо ихъ природы составляетъ зло, а мѣстомъ ихъ дѣйствованія служатъ по небесные круги, или поднебесныя пространства²⁾.

Мысль Апостола въ ст. 12 не та, что намъ приходится бороться не только съ „плотью и кровью“, но и съ „началами и властями“ (οὐκ... ἀλλὰ = οὐ μόνον... ἀλλὰ καί³⁾). Борьба ведется собственно съ злыми духами; они, какъ говоритъ св. І. Златоустъ, суть настоящіе виновники злыхъ дѣлъ, такъ что въ борьбѣ плоти и крови нужно видѣть дѣйствіе міродержителей, являющихся истиннымъ началомъ зла. Сынъ Божій пришелъ въ міръ для разрушенія дѣла діавола (1 Иоан. 3, 8); царство тьмы, князь мра сего (Іоан. 12, 31; 14, 30; 16, 11) желаетъ одолѣть царство свѣта, и приходится бороться съ силами невидимыми, сверхчувственными, неограниченными и внутренно, и чрезъ всякія человѣческія посредства, или чрезъ людей.

Сего ради, т. е. въ виду такой трудности предстоящей борьбы, *принимите вся оружія* (τὴν πανοπλίαν) *Божія, да возможете противникя въ день лютаго* (ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῇ κονήρᾳ) *и вся содѣявше стати* (ἅπαντα κατεργασάμενοι πύρι). Ст. 13.

Въ нѣкоторыхъ древне-славянскихъ спискахъ вм. „въ день лютаго“ стоятъ: „въ день брани“⁴⁾. Это чтеніе имѣетъ, конечно, характеръ глоссы, но глоссы совершенно вѣрно:

¹⁾ Τὰ πνευματικά имѣетъ коинскаго значеніе, подобно: τὸ ἱππικόν—конница (Апок. 9, 16); τὸ πολιτικόν (στράτευμα)—войско, состоящее изъ гражданъ; τὰ ληστρικά—разбойничество; и т. п.

²⁾ () значеніи ἐν τοῖς ἐπουρανίοις см. изъясненіе, 2, 2 ст. стр. 352, 353.

⁴⁾ Rosenmüller, Scholia, IV, p. 567; R. Stier, Die Gemeinde II, . 141.

⁵⁾ В. X. 31, п. 130, л. 243 об.

ἡ ἡμέρα ἡ πονηρά—это день злой κατ' ἐξουσίαν,—день, когда борьба съ сатанинскою силою становится для христіанъ особенно грудною. „Днепъ лютымъ (ἡμέραν πονηράν), говоритъ блаж. Феодоритъ, называетъ день брани, давъ имя сіе отъ дѣйствующаго въ тотъ день діавола“¹⁾. Многіе экзегеты подѣль ἡ ἡμέρα ἡ πονηρά разумѣютъ время предъ вторымъ пришествіемъ Христа, когда наступитъ послѣднее самое сильное обнаруженіе царства зла и тьмы²⁾. Но изъ словъ предшествоющей (6, 11. 12) и послѣдующей рѣчи (6, 15—17) Апостола видно, что „день лютъ“ имѣетъ мѣсто въ настоящей жизни христіанина. „Жизнь есть война непрерывная, но сраженія бывають по временамъ,—чаще, изрѣже“³⁾; въ жизни христіанина бывають времена, когда требуется особенное напряженіе духовныхъ силъ.

Нисподнивши все, безусловно все, что требуется христіанскою борьбою, пройди, такъ сказать, всѣ ся стадіи, христіане выйдутъ побѣдителями: *и вся содѣявше стати—καὶ ἅπαντα κατεργασάμενοι στήναι*, т. е. христіане устоятъ, не обратятся въ бѣгство, не будутъ испровергнуты врагомъ. Стѣна является слѣдствіемъ предшествующаго ἀντιστήναι (въ русскомъ переводѣ: „устоять“); κατεργασάμενοι есть усиленіе ἐργασάμενοι: „сдѣлавши“, „совершивши“⁴⁾. Многіе экзегеты придаютъ слову κατεργάζεσθαι смыслъ: „побѣждать“, „преслѣдовать“ (καταπολεμεῖν, debellare)⁵⁾. Но съ такимъ зна-

¹⁾ Migne, 82, col. 553.

²⁾ Meyer, s. 270; Soden, s. 151; и др.

³⁾ Зинцен, стр. 141.—Ср. Bengel, Спотон, II, p. 931.

⁴⁾ Въ Vulg. ἅπαντα κατεργασάμενοι переведено: in omnibus rebus. Въ основѣ этого перевода лежитъ, по всей вѣроятности, чтение: κατεργασμένοι, которое въ несовершенномъ видѣ (κατεργασμένοι) встречается въ А.

⁵⁾ Harless, s. 513; Olshausen, s. 295; Olthaus, III, p. 101. Такое же чтение κατεργάζεσθαι встречается и въ нашемъ русскомъ переводѣ.

чениемъ *κατεργάζεσθαι*: нигдѣ не встрѣчается въ посланіяхъ св. Апостола Павла, не смотря на частое его здѣсь употребленіе (Римл. 1, 27; 2, 9; 5, 3; 7, 8. 13. 15. 17. 18. 20; 15, 18; и др.) ¹⁾.

Самое всеоружіе Божіе, которымъ христіане должны пользоваться въ своей духовной борьбѣ, состоитъ въ слѣдующемъ: *станите убо препоясани чресла ваша истиною, и обоклешися въ броня правды, и обувши нозь во уготованіе благовѣствованія мира* (*ἐν ἐτοιμασίᾳ τοῦ εὐαγγελίου τῆς εἰρήνης*) ²⁾. *Надѣ всѣхъ же* (*ἐπὶ πάντων*) ³⁾ *восприимите щитъ вѣры, въ немъ же возможете вся стрѣлы лукаваго разжженнаго* (*τὰ πικροφλέγοντα*) *угасити. И мечъ спасенія восприимите, и мечъ духовный, иже есть слово Божіе* ⁴⁾. Ст. 14—17.

¹⁾ *Κατεργάζεσθαι* въ смыслѣ *καταπολεμεῖν* встрѣчается у классическихъ писателей (*Хесорф.*, Суг. IV, 6, 4: *κατεργάζεσθαι τὸν λέοντα*).

²⁾ Чтеніе, имѣющее, очевидно, характеръ glossы: „на уготованіе благовѣствованія вѣры“ (Т. № 23. л. 54 об.; № 24. л. 20); въ В. № 31 пропускъ: „во уготованіе евангелія“; у св. м. Алевксія „въ уготованіе евангелія мирнаго“.

³⁾ Чтеніе *ἐν πάντων*, принимаемое *Лавманою* (II, 480), *Титендорфомъ* (II, 701. 702), *Веснкотомъ-Хортомъ* (р. 437), изъ издательствъ—*Гауптманъ* (который, кромѣ того, совершенно ненатурально относитъ *ἐν πάντων* къ предшествующему, поставляя его въ связь съ *ἐν ἐτοιμασίᾳ*, с. 250), является далеко менѣе завершеннымъ (8. В. Р. 10 minusc.) чѣмъ *ἐπὶ πάντων* (A. D. E. F. G. K. L. S. у св. I. Златоустъ, бл. Феодоритъ). Изъ того, что въ Vulg., въ древне-латинскихъ переводахъ и у нѣкоторыхъ западныхъ отновъ (напр., у Викторина, Minge, 8, 1291) читается *in omnibus* нельзя заключать, что въ основѣ этого перевода лежатъ варианты *ἐν πάντων*, ибо въ греко-латинскихъ спискахъ *in omnibus* соответствуетъ *ἐπὶ πάντων* (см. *Matthaei*, Codex graecus, p. 68).—Въ нѣкоторыхъ древне-слав. спискахъ: *ἐπὶ πάντων* по ошибкѣ опускается (В. № 31, л. 131 об.: „и щитъ вѣры приимите“).

⁴⁾ Въ Т. № 23 Ефес. 6. 16. 17 читается съ пропусками: „и всемъ потопиши шитъ вѣрный, иже возможемо угасити, мечъ духовный приимите, егда есть слово Божіе“ (л. 54 об.).

Таково христiанское всеоружіе (παιουλiα). Обыкновенно приготовляющійся къ борбѣ долженъ быть прежде всего оюясанъ, ибо это придаетъ его движеніямъ силу, ловкость и проворство, и безъ пояса борющійся не мыслимъ. Такъ и христiанинъ долженъ бытъ оюясанъ, но поясомъ не вещественнымъ, а духовнымъ,—поясомъ истины (ἐν ἀληθείᾳ). Истина есть „глава нашихъ мыслей“¹⁾; оставивши ложь, нужно поступать по истинѣ, т. е. истинѣ евангельской, которая должна быть нашимъ внутреннимъ достоиніемъ и съ которою необходимо согласовать всѣ наши мысли, ибо мы рождены отъ истины (ср. Ефес. 1, 13; 4, 24; 5, 9). Второю принадлежностью борющагося долженъ быть панцирь, защищающій его грудь отъ нападеній врага и дѣлающій его неуязвимымъ. Для христiанина—борца такимъ панциремъ служитъ правда (δικαιοσύνη),—справедливость, правота, или праведныя намѣренія и предпріятія²⁾. Ἀληθεία есть преимущественно правда мысли, δικαιοσύνη—правда воли; кого умъ и воля стоятъ въ согласіи съ божественною волею, тотъ побѣдоносно отражаетъ всякія самыя сильныя нападенія діавола. Далѣе, обыкновенный воинъ, приготовляющійся къ борбѣ, обязанъ имѣть на себѣ военныя сандаліи; христiанинъ же долженъ обути свои ноги во уготованіи (ἐν ἐτοιμασίᾳ, dativ. instrument.) благоувствіюванія мира. Двойко понимаютъ это выраженіе: христiанинъ долженъ бытъ одушевленъ готовностью свидѣтельствовать евангеліе мира³⁾; или же: христiанинъ долженъ бытъ одушевленъ готовностью, т. е. готовностью къ духовной борбѣ, которую поселяетъ

¹⁾ Ср. I. Златоустъ (М. 62, 164).

²⁾ Ср. I. Златоустъ (М. 62, 167).

³⁾ Изъ повѣданныхъ: Haupt, s. 249; Hofmann, s. 256; Wohlenberg, Kierkef. Ср. также ранѣе указанное чтеніе словъ синодальнаго перевода: „готовность благоувствіюванія вѣры“.

въ немъ Евангеліе мира¹⁾). Последнее пониманіе нужно, по нашему мнѣнію, предпочитать, такъ какъ оно болѣе соотвѣствуетъ ходу рѣчи и употребленному Апостоломъ образу. Какъ воинъ, обутой въ сандалии, всегда готовъ двинуться впередъ,—бодро и смѣло прогнать своего врагу, такъ и христіанинъ, одушевляемый Евангеліемъ мира, т. е. Евангеліемъ, принесшимъ намъ миръ съ Богомъ, всегда твердо выступитъ на брань съ „міродержителями вѣка сего“; ради Евангелія мира онъ неослабно ведетъ борьбу съ тѣмъ, что нарушаетъ этотъ святой его миръ, и, борясь съ діаволомъ, онъ чрезъ это мирствуетъ съ Богомъ²⁾).

Опоясаніе, покрытіе груди панциремъ и обутие ногъ въ военныя сандалии дѣлаютъ воина готовымъ къ борьбѣ. Но борющійся долженъ имѣть еще щитъ, плетъ и мечъ. Такими же орудіями борьбы, но только, конечно, духовными, а не вещественными, обязаны владѣть и христіане.

¹⁾ Изъ новѣйшихъ: Meyer, s. 273; Elliott, p. 150; Oltramare, III, p. 403.

²⁾ Такъ какъ евр. רָצוֹן , *machon*, въ значеніи: „основаніе“, „крѣпость“, переводится у LXX чрезъ $\text{\epsilon\tau\omicron\iota\kappa\alpha\sigma\iota\alpha}$ (1 Эзд. 2, 68: *поставили его на основаніи*— $\text{\epsilon\pi\iota\ \tau\eta\ \epsilon\tau\omicron\iota\kappa\alpha\sigma\iota\alpha\ \nu\epsilon\omega}$; 1 Эзд. 3, 3: *и уготоваша алтарь на основаніи его*; ср. Ис. 88, 15: *право и судба уготованіе престола его*— $\text{\epsilon\tau\omicron\iota\kappa\alpha\sigma\iota\alpha\ \tau\omicron\upsilon\ \theta\rho\omicron\omicron\upsilon\nu\ \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon}$); но некоторые экзегеты придаютъ $\text{\epsilon\tau\omicron\iota\kappa\alpha\sigma\iota\alpha}$ законъ же смыслъ и стѣсь (Bengel, II, 931; Корф., Rosenmüller; въ нашихъ—авторъ Зинцовъ, стр. 144). Но къ употребленному Апостоломъ образу по значенію совершенно не подходитъ, ибо, очевидно, нельзя сказать: „обуть ноги свои крѣпостью евангелія мира“. $\text{\epsilon\tau\omicron\iota\kappa\alpha\sigma\iota\alpha}$ (у классиковъ $\text{\epsilon\tau\omicron\iota\kappa\alpha\mu\acute{o}\tau\eta\varsigma}$) означаетъ: а) приготовленіе, актъ приготовленія (Ис. 64, 10); б) готовность (*promptitudo*), состояніе готовности (Ис. 9, 38; евр. 10, 17: *уготованію сердца изъ плоти твоей*; 56, 8; евр. 57, 7), и в) крѣпость, основаніе (ср. רָצוֹן , *machon*, можетъ быть понимаемо въ смыслѣ „готовый“ и въ значеніи: „устойчивый“, „прочный“, „твердый“).

Πάντο ὡς ἐπὶ πᾶσι (ἐπὶ πᾶσι) воспримите щитъ (τὸν θυρεόν) и дал. Такъ какъ въра есть основа и истины, и правды, и готовности къ борьбѣ ради Евангелія, принесшаго намъ миръ, то ἐπὶ πᾶσι нельзя понимать въ смыслѣ простого присоединенія („кромѣ этого еще“, или: „ко всему этому еще“) ¹⁾, а лучше притать ему значение, какое находимъ въ нашемъ славянскомъ переводѣ: „надъ всею“ (сирѣ отъ-вѣс), г. е. „поверхъ всего“, или „выше всего“, — „паче всего“, что вы надѣли, или во что одѣлись. Въра служить для христіанина щитомъ, ибо какъ щитъ охраняетъ воина отъ стрѣлъ противниковъ, даже стрѣлъ, бросаемыхъ зажженными ²⁾, такъ и въра защищаетъ христіанина отъ самыхъ

1) Такъ обыкновенно понимаютъ ἐπὶ πᾶσι новѣйшие записки *Expositio* (Meyer, s. 274; *Ellisott*, p. 151; *Ultramarine*, III, p. 405—406; и др.) Въ доказательство ссылаются на Лук. 3, 20: *приложи и се надъ всею* (ἐπὶ πᾶσι) *и затвори* *Іоанна въ темницу*. Но и здѣсь мнѣтъ, что къ своимъ преступленіямъ Продъ приобщилъ *тягчайшее* преступленіе, — заключеніе Іоанна Крестителя въ темницу. Полною параллелью къ разсматриваемому мѣсту не можеть служить также Лук. 16, 26 и Колос. 3, 14, ибо сирѣ при ἐπὶ πᾶσι стоитъ τοῦτοις; кромѣ того, и въ этихъ мѣстахъ ἐπὶ πᾶσι не обозначаетъ собственно простого присоединенія, а въ Лук. 16, 26 означаетъ *важнѣйшую* причину, почему пророкъ божій во адѣ не можеть быть удовлетворенъ, а въ Колос. 3, 14 указываетъ на *важнѣйшее* въ нравственной жизни (добродѣ).

2) *Θυρεός* — большой продолговатый щитъ, покрывающийся кожей или лѣтомъ, въ отличие отъ ἀσπίς (aspis), — щита круглаго или овальнаго. Щиты гдѣлись изъ дерева и покрывались твердой кожей (πολυζέω *dermatē*; *Polyb*, Hist. VI, 23, 3); такого щита не могли бить стрѣлы и вообще метательные снаряды, начиненные токсичными веществами и бросаемые зажигательными (τὰ βέλη πεπορωμένα, или βέλη πυρρора. ἵστοι πυρρора, щиты *smoked*, *flaming*), а, встрѣясь обитому щиту, они падали. Ах и прожигали снарядомъ, облитымъ ядомъ съ горючимъ тѣломъ.

сильныхъ вражескихъ нападеній. *Ано сѣи побѣждаяй
врѣ, токло вѣруай, яко Іисусъ сѣи сѣи Божій*
(1 Іоан. 5, 5). Вѣра поставляетъ человека на такое священ-
ное единеніе съ Богомъ, что этого союза ничто уже не можетъ
нарушить. „Подобно тому, какъ щитъ заступяетъ собою во-
ину, дѣлаясь какъ бы стѣною—и вѣра зацѣпляетъ насъ
такимъ же образомъ. Ибо все ей уступаетъ“¹⁾. *Вѣроу
побѣдима царствія, содѣяна правду, получина обыно-
ванія, заградина уста львовъ, угасина силу огненную и*
иал. (Евр. 11, 33. 34).

Далѣе, духовнымъ щитомъ для христіанина служитъ,
по Апостолу, спасеніе²⁾. Въ 1 Солун. 5. 8 св. Павелъ го-
воритъ: *ны же сынове суще дне, да трезниися, обок-*
нешя въ броню вѣры и любви и шлемъ упованія спасе-
нія (καὶ περικεφαλαίαν ἑλπίδα σωτηρίας). Выраженія: „шлемъ
упованія спасенія“ и „шлемъ спасенія“ едва ли могутъ быть
отожествляемы: первое указываетъ на спасеніе окончательное,
вѣчную блаженную жизнь въ царствѣ славы, а второе—на
спасеніе во Христѣ отъ грѣха, проклятія и смерти. Христіа-
нинъ искупленъ Христомъ, избавленъ отъ власти темныя

своихъ, равно защищенъ отъ стрѣлъ (тонкихъ наочекъ, обви-
тыхъ хитрыми съ смолою и другими горючими веществами) бѣго
и вѣсто грекамъ и римлянамъ (Herod., VIII, 52; Thucyd., II, 75,
Melero, Pro Milone, 24). О стрѣлахъ горящихъ упоминается и въ
Пс. 7, 14.

¹⁾ См. I. Златоустъ (Migne, 62, 169).

²⁾ Καὶ τὴν περικεφαλαίαν τοῦ σωτηρίου. Τοῦ σωτηρίου genitiv.
propositionis „шлемъ, состоящій въ спасеніи“, или: „шлемъ, ко-
торымъ служить для насъ спасеніе“. Форма σωτηρίου встрѣчается
только въ писаніяхъ св. Луки (Лук. 2, 30; 3, 6; Дѣян. 28, 28),
и обычно переводу LXX (Пс. 59, 17: περιέθετο περικεφαλαίαν
σωτηρίου ἐπὶ τῆς κεφαλῆς). Бенгелъ понимаетъ τοῦ σωτηρίου, какъ
форму nomenclat. salutaris, т. е. Christi (II, 937); но для этого
нѣтъ никакого основанія.

(Колос. 1, 13), введенъ въ царство Сына любви (Колос. 1, 13), и сознание этого, подобно щиту, защищаетъ его отъ напастей зла; вѣрующій торжествуетъ побѣду во Христѣ, твердо уповаетъ на благодать Христову (1 Петр. 1, 13).

Кромѣ духовнаго щита и шлема христіанинъ долженъ воспріять и *мечъ духовный* (καὶ τὴν μάχαιραν τοῦ πνεύματος), *иже (ѣ) есть глаголь Божій*. Τοῦ πνεύματος можно изъяснять или какъ genitivus qualitatis, какое пониманіе находимъ въ нашемъ славянскомъ переводѣ ¹⁾, или какъ genitiv. originis, или auctoris ²⁾. Въ виду стоящаго предъ πνεύματος члена лучше склониться ко второму толкованію: „мечъ Духа“, т. е. мечъ, подаваемый Духомъ Божиимъ (ср. 6, 13: τὴν πανοπλίαν τοῦ Θεοῦ), а этотъ мечъ ³⁾ есть слово Божіе вообще, для христіанина—Евангеліе, исходящее отъ Духа Господня ⁴⁾. „Слово Божіе живо и дѣйственно и острѣе всякаго меча обоюду остраго“ (Евр. 4, 12); Евангеліе есть *сила Божія во спасеніе всякому вѣрующему* (Римл. 1, 16; ср. 1 Коринф. 1, 18); Самъ Христосъ Спа-

1) Такъ обыкновенно переводится τοῦ πνεύματος въ древнеславянскихъ Апостолахъ.

2) Св. І. Златоустъ изъясняетъ: „или онъ говорить здѣсь о Духѣ, или же разумѣть мечъ, понимаемый въ духовномъ смыслѣ.“ (Ἦτοι τὸ πνεῦμα φησὶν, ἧτοι ἐν τῇ πνευματικῇ μάχαιρᾳ) Море, 63, 169.

3) О относится по аттракції къ τὴν μάχαιραν.

4) *Larousse* (s. 552), *Ольсгаузенъ* (s. 298), *Шенкель* (s. 103) понимаютъ τοῦ πνεύματος, какъ genitiv. appositionis, опираясь на то, что такое именно значеніе имѣетъ предшествующее τῆς πίστεως, равно τοῦ σωτηρίου. Но противъ этого говорятъ тѣ же самые слова: *иже есть глаголь Божій*, ибо мечемъ является не самъ Духъ, а слово, исходящее отъ Духа. Еще болѣе искусственно придаютъ τοῦ πνεύματος значеніе родительнаго принагожденности, разсмѣявъ потъ πνεῦμα духъ человѣчески,—какое пониманіе находимъ у *Гаурина* (s. 252), *Ольбрамари* (III, p. 410).

сигель отражаетъ искушенія отъ діавола словомъ Божиимъ (Матѣ. 4, 4. 7. 10; Лук. 4, 4. 8. 12).

Таковы оружія духовной христіанской борьбы. Христіанинъ можетъ принять ихъ только отъ Бога; онъ долженъ полагаться не на свои собственныя силы, а на помощь свыше. Поэтому духовная христіанская борьба необходимо должна соединиться съ молитвою и безъ нея невозможна: *всякою молитвою и моленіемъ молящися на всяко время духомъ, и въ сіе истое бдяще во всякомъ терпѣніи и молитвъ о всѣхъ святымъ*—*διὰ πάσης προσευχῆς καὶ δεήσεως προσευχόμενοι ἐν παντὶ καὶ ἐν πνεύματι, καὶ εἰς αὐτὸ τοῦτο* ¹⁾ *ἀγρηπνοῦντες ἐν ᾧ, προσκαρτερήσεαι καὶ δεήσει περὶ πάντων τῶν ἁγίων*. Ст. 18.

Вопросъ спорный, къ чему пужно относить *προσευχόμενοι*: одни связываютъ его съ предшествоующимъ *δεήσασθε* (ст. 17) ²⁾, другіе—съ начальными словами 14 ст.: *στῆτε οὖν* ³⁾. Первая конструкция не можетъ быть принята, такъ какъ не имѣемъ только и мечъ христіанинъ воспринимаетъ молитвою, но и другія указанная оружія получаетъ чрезъ молитву и пользуется ими съ молитвою; при томъ, *δεήσασθε* представляетъ собственно уклоненіе отъ предшествоующей ему конструкции и можетъ быть по смыслу замѣнено причастною

¹⁾ Чтенію *εἰς αὐτὸ τοῦτο* (D^a. E. K. l. minusc., б. м. Θεοδωρίτης), которому слѣдуетъ нашъ славянской текстъ и древнеслав. Апостолы (II. № 101, л. 63; Гильф. № 13, 14; Погол. № 27; С. № 9, 16, 915; и др.) обыкновенно предпочитается болѣе красивое чтеніе *εἰς αὐτό* (S. A. B. Dⁱ. F. G. 17. 31. Vulg., Syr.; св. I. Златоустъ, Migne 62, 172); *τοῦτο*, по всей вѣроятности, разительная прибавка (*εἰς αὐτὸ τοῦτο* часто встрѣчается въ посланіяхъ св. ап. Павла: Рим. 9, 17; 13, 6; 2 Корин. 5, 5; 7, 11; Гал. 2, 10; Ефес. 6, 22; Колос. 4, 8).

²⁾ Harless, s. 533; Olshausen. s. 299.

³⁾ Meyer, s. 278; Ellicott, p. 153; Oltramare, III, p. 413.

формы *δέησις*. Поэтому, нужно предпочесть вторую конструкцию: „агасъ, стоите, преклоняеъ пресла ваши... и отвѣстися... и обувъ погн... и племъ спасенія воспріимше... и всякою молитвою и моленіемъ молящеся“¹⁾.

Вопреки Мейеру начальное *διὰ πάσης προσευχῆς καὶ δέησις* совершенно естественно соединить съ *προσευχόμενοι*, а не разсматривать, какъ самостоятельный членъ²⁾, допускающая при этомъ такой переводъ: „при молитвѣ всякаго рода и прошеніи молящеся во всяко время духомъ“; ни гебразма, ни тавтологіи при указанной ранѣе связи не получается, ибо стоитъ не просто: „молитвою... молящеся“ (ср. Іак. 5, 17: *προσευχῇ προσήρυξάτο*). а „всякою молитвою... молящеся“. Если Мейеръ указываетъ, что нельзя сказать: „всякою молитвою... во всяко время“, то прогнвъ этого необходимо замѣтить, что „всякою молитвою и моленіемъ“ отмѣчаетъ разнообразныя роды молитвы,—такъ сказать, объемъ молитвы, а „во всяко время“ указываетъ на постоянство молитвы, или непрестанность молитвеннаго насіроенія (1 Солун. 5, 17; 2 Солун. 1, 17; Лук. 18, 1). *Προσευχῇ* и *δέησις* соединяются и въ другихъ мѣстахъ Новаго Заветъа (Фил. 4, 6; 1 Тим. 2, 1; см. также Ис. 5, 10; 54 (55), 1. 2: Дан. 9, 3)³⁾. *Προσευχῇ* означаетъ молитву вообще (*precatio*),—прошеніе, хваленіе, благодареніе, а *δέησις*—„моленіе“. „прошеніе“ (*rogatio*); *προσευχῇ* указываетъ именно на молитву, есть, какъ говоритъ Гарлессъ, *vocabulum sacrum* (отсюда: „домъ

1) Илъ, конечно, основанія разрѣшать *προσευχόμενοι* въ *imperativ*.

2) Meyer, s. 278. Гофманъ совершенно ненатурально соединяетъ *διὰ πάσης προσευχῆς καὶ δέησις* съ предшествующимъ: „воспріимше“ т. е. „воспріимше всякою молитвою и моленіемъ“ (*Die heilige Schrift*, IV, 1, s. 261–262),

3) *Προσευχῇ* соответствуетъ евр. תְּפִלָּה *tephillah*, а *δέησις*—תַּחֲנִן, *techmah*.

молитвы — *προσευχή* (Матт. 21, 13, ср. Дян. 16, 17, 16), а *δέησις* означает и простую просьбу, направленную къ людям, есть *vocabulum commune* ¹⁾. Соединение *προσευχή* и *δέησις* служить къ усилению мысли.

Такимъ образомъ, готовность христіанина къ духовной борьбе необходимо соединяется съ молитвою и безъ нея нельзя пользоваться указаннымъ раньше духовнымъ оружіемъ. Молитва вбрующая бываетъ разнаго рода („всякою молитвою и пощениемъ“), соответственно христіанскимъ нуждамъ и потребностямъ; молитва должна быть постоянною, неотступною („во всякое время“) „Во всякое время—говоритъ св. І. Златоустъ—приступай къ молитвѣ, какъ и въ другомъ мѣстѣ сказать: *непрестанно молитесь*“ (1 Солун. 5, 17).

Новая черта христіанской молитвы указывается въ словахъ: *ἐν πνεύματι*. Подъ *πνεῦμα* одни разумѣютъ духъ человѣческій („молиться въ духѣ или духомъ, т. е. молиться сердцемъ, а не устами,—молиться *ἐν φυχῇ*) ²⁾, другіе—Духа Божія ³⁾. Соответственно раньше данному изъясненію выраженія: „мечъ духа“ предпочитаемъ второе пониманіе, какъ болѣе соответствующее словоупотребленію Апостола (ср. Іуд. ст. 20: „молись Духомъ Святымъ“). Источники истинной молитвы не въ насъ, а въ Духѣ Божіемъ, ибо Онъ

¹⁾ Св. І. Златоустъ и блж. Теодоритъ въ своемъ изъясненіи 1 Тим. 2, 1 указываютъ такое частное различіе между данными словами: *προσευχή* есть „испращиваніе блага“ (*αἰτησις τῶν χαθάρων*), а *δέησις*—„прошеніе объ избавленіи отъ какихъ либо скорбей“ (*ὑπὲρ ἀπαλλαγῆς τινῶν λυπηρῶν ἰκετεία προσφερομένη*), Migne, 82, col. 798; Migne, 62, 529; ср. *Suiceri Thesaurus*, I, p. 524, т. II, p. 851. 852.

²⁾ *Estius*, II, p. 416: *in spiritu*, hoc est cum devoto cordis affectu.—*Rosenmüller*, *Scholae*, IV, 575: *animo*, herzlich.—*Прецовъ*, *Госпофанъ*, Голгофане, стран. 437.

³⁾ *Meyer*, s. 279; *Harless*, s. 555; *Haupt*, s. 254; *Ellicott*, p. 154; *Abbott*, p. 187; *Записки*, стран. 147.

начаетъ насъ молиться и о Немъ *воіе нъ*: *Αὐτὸς ὁπίς* (Римл. 8, 15; Гал. 4, 6); Онъ послушесвуетъ намъ въ немощахъ нашихъ. *Ὁ ἥσος. ὅ ποιοῦμεθα. ὡς ποιοῦμεθα, не вѣлы, но са нъ* Духъ ходатайствуетъ о насъ въ воздыханіи неизглаголанномъ (Римл. 8, 26) ¹⁾.

И въ сіе истое (εἰς αὐτό) — продолжаетъ св. Апостолъ, *бдяще во всяко. нъ терпѣніи и молитвѣ о всѣхъ святыхъ*. *Εἰς αὐτό* нельзя относить къ послѣдующему, именно къ словамъ 19 ст.: *да дастся ли слово*, ибо въ такомъ случаѣ стояло бы *εἰς тоῦτο*, и кромѣ того выраженіе: „о всѣхъ святыхъ“ было бы тогда непонятно ²⁾; *εἰς αὐτό* указываетъ, очевидно, на предшествующее: „на сіе“, „съ этою цѣлью“, „въ виду этого“, г. е. въ виду необходимости молиться во всякое время Духомъ.

Такимъ образомъ, чтобы молитва была истинною, христіане должны бодрственно пребывать *ἐν πάσῃ προσχαρτερύξει καὶ δεήσει περὶ πάντων τῶν ἁγίων*. Нѣкоторые экзегеты раздѣляютъ разсматриваемое выраженіе такъ, что *ἐν πάσῃ προσχαρτερύξει* относятъ къ *ἁγιοποιοῦντες*, а *δεήσει* — къ *περὶ πάντων τῶν ἁγίων*; получается мысль: „бодрствуя во всякомъ терпѣніи и *молясь* о всѣхъ святыхъ“ ³⁾. Но противъ такого раздѣленія говоритъ и отсутствіе повтора члена *περὶ δεήσει*, и параллельное мѣсто посланія къ Колоссянамъ, гдѣ *προσχαρτερεῖτε* непосредственно связывается съ *προσευχῇ*: *καὶ ποιοῦντες ἐν τῇ προσευχῇ, προσχαρτερεῖτε* бодрствующе (*ὑπηρετοῦντες*) въ ней со благодареніемъ (4, 2). Или

¹⁾ У св. м. Алексія *ἐν πνεύματι* переведено „о духѣ“ (стр. 127), а въ Синаф. № 13, л. 175: „духомъ“ по ошибкѣ опускается сл. С. № 14, л. 94 стоитъ „духомъ и потомъ“, что, можетъ быть, произошло отъ неправильнаго прочтенія „и о томъ тономъ“ (такъ въ II. № 2, л. 30; Погол. № 14, л. 80 об.).

²⁾ Противъ *Hofbauer's* (с. 184).

³⁾ *Offenberg*, III, р. 418.

всего хода рѣчи открывается, что *προσχαρτέρησις* не есть вообще терпѣніе, устойчивость, постоянство христіанской жизни, а терпѣніе, неотступность именно христіанской молитвы (ср. Дѣян. 1, 14: *προσχαρτεροῦντες τῇ αὐτῇ καὶ τῇ δεήσει*). Поэтому *δεήσει* составляетъ поясненіе къ *προσχαρτέρησι*: ¹⁾ „въ терпѣніи и молитвѣ“, т. е. „въ молитвенномъ терпѣніи“, или иначе: „въ терпѣливой, неотступной молитвѣ“ о всѣхъ святыхъ. Такъ, истинная молитва необходимо предполагаетъ неусыпную молитву и о другихъ христіанахъ, которые, подобно молящемуся, ведутъ духовную борьбу съ врагомъ спасенія. „Никогда, говоритъ св. І. Златоустъ, не будетъ того, чтобы ты во время молитвы, имѣя въ виду одного себя, такимъ образомъ привлекъ къ себѣ милость Божию“ ²⁾.

Увидевши къ неусыпной молитвѣ о другихъ христіанахъ, св. Павелъ испрашиваетъ молитвъ и о себѣ, ибо онъ также окруженъ врагами и нуждается въ божественной помощи для достойнаго выполненія своего Апостольскаго служенія: *и о мнѣ* (т. е. бодрствующе въ постоянномъ моленіи), *да дастся*

¹⁾ Гауптъ разсматриваетъ *ἐν πάσῃ προσχαρτέρησι καὶ δεήσει*, какъ самостоятельный членъ, — особое опредѣленіе характера истинной молитвы, поставляя послѣ *ἀγρυπνοῦντες* комм. Свою конструкцію Гауптъ обосновываетъ слѣдующимъ соображеніемъ: *Die Mahnung, in aller Ausdauer zu wachen, wurde ganz angemessen sein, aber dass man in Form des Gebetes (ἐν δεήσει) wacht* *ὡς αὐτό*, also behufs des Gebetes, lässt sich nicht sagen: der Zweck wurde zugleich als Mittel gedacht sein (s. 254). Но тавтологія объясняется потому, что Гауптъ отдѣляетъ *ἐν πάσῃ προσχαρτέρησι καὶ δεήσει* отъ дальнѣйшаго: *περὶ πάντων τῶν ἁγίων*; при соединеніи же послѣднихъ словъ непосредственно съ предшествующимъ становится очевиднымъ, что рѣчь идетъ не о молитвѣ вообще, а о молитвѣ о всѣхъ святыхъ, какая молитва необходимо предполагаетъ истинною молитвою.

²⁾ Migne, 62, col. 172.

Послание къ Ефесянамъ

44.

ни слово во отвержение устъ наших съ дерзновениемъ сказати тайну благовѣствованія, о немже посольствую во узы¹⁾, да въ нелѣ дерзаю, якоже подобаетъ ми глаголати. Сл. 19. 20.

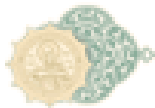
Волье трудныя выраженія приведеннаго мѣста изъяснены нами раньше, гдѣ мы показали, что Апостолъ проситъ здѣсь не объ освобожденіи его изъ узъ, а о томъ, чтобы онъ могъ заступити истину Христову смѣло, мужественно, — могъ сказать все, что ему подобаетъ возгласить²⁾. Съ дерзновениемъ (ἐν παρρησίᾳ) сказати — не значить: свободно, безъ узъ³⁾, а, примѣнительно къ дальнѣйшему: да въ нелѣ дерзаю, означаетъ безбоязненную, смѣлую проповѣдь о тайнѣ Христовой.

Такимъ образомъ, въ заключительномъ своемъ наставленіи, имѣющемъ не частный, а общій характеръ, Апостолъ, послѣ увѣщанія къ мужественной христіанской борьбѣ и указанія на великую трудность послѣдней, опредѣляетъ сущность и характеръ духовнаго христіанскаго всеоружія. Важнѣйшимъ оружіемъ („надъ всѣми же“) является вѣра (соединенная, конечно, съ любовью; ср. 1 Солун. 5, 8), служащая для христіанина какъ бы великимъ щитомъ, охраняющимъ его отъ самыхъ сильныхъ нападеній врага. Отъ вѣры — истина, опоясующая чресла мысли христіанина, — устремляющая его помыслы горѣ и не позволяющая имъ разсѣиваться; отъ вѣры — правда или добродѣтельная жизнь, защищающая, подобно панцырю, христіа-

¹⁾ Въ древне-славянскихъ Апостолахъ: „о немже молюся во узехъ плечѣвнѣхъ“ (Т. № 26, л. 157 об.; Р. № 9, л. 195) или „и якоже (т. е. тайну) молюся во узѣхъ“ (И. № 2, л. 30). „Посольствующи“ рассматривается, какъ молитвенное посольство и по тому *προσβῆναι* переводится: „молюся“. Въ нѣкоторыхъ спискахъ *ἐν ἀλλοτρίᾳ* по ошибкѣ опускается (С. № 14, т. 94: „за неже молюся, и о немъ дерзну“).

²⁾ См. раньше, стр. 9—11.

³⁾ Противъ *Κοινη* (VI, р. 286); Заневски, стр. 147

нина отъ зла; вѣра же рождаетъ самоотверженную готовность къ борьбѣ съ врагомъ спасенія во имя Евангелія, принесшаго намъ миръ или примиреніе съ Богомъ, въ силу какой готовности христіанинъ уподобляется воину, обутому въ военныя сандаліи и всегда мѣлющему бодро и живо выступить на борьбу. Вѣра подаетъ духовный щлемъ, которымъ служить спасеніе, или искупленіе, дарованное намъ во Христѣ, въ силу котораго никакія уже вражескія нападеныя тѣмъ не должны насъ устрашать; огъ вѣры — глаголь Божій или Евангельское слово, острѣйшее всякаго обоюду остраго меча. Всѣ эти оружія подаются Богомъ, а не достигаются нашими собственными силами. Поэтому духовная борьба необходимо предполагаетъ постоянную, крѣпкую молитву къ Богу о помощи, и такъ какъ всѣ христіане суть едино тѣло Христово, то истинная молитва включаетъ и молитву о другихъ вѣрующихъ, борющихся также съ врагомъ спасенія и переживающихъ „день лють“. Апостолъ проситъ молитвы и о себѣ самомъ, чтобы, въ виду враговъ, вполне защитить истину Христову.

4. Сообщение о посольствѣ Тихика. Апостольское благословеніе (6, 21—24).

„Апостоль самъ только что упомянулъ о томъ, что онъ—въ ухахъ; въ подробности же рассказать о своемъ положеніи поручаетъ Тихику. Онъ изъяснилъ въ своемъ посланіи все, что относится къ догматамъ и утѣшенію, что же касается собственно извѣстій, это предоставляетъ тому, кто доставитъ посланіе“¹⁾. *Да увѣсте же и вы, яже о мнѣ, что дѣлаю, вся скажетъ вамъ Тихикъ возлюбленный братъ и вѣрный служитель о Господѣ, егоже послахъ къ вамъ на сіе истое, да увѣсте, яже о нѣхъ, и да утѣшитъ сердца ваша*²⁾. Ст. 21. 22.

Слѣдуетъ Апостольское благословеніе: *Миръ братіи и любовь съ вѣрою отъ Бога Отца и Господа Иисуса Христа. Благодать со всѣми любящими Господа нашего Иисуса Христа въ истинѣ (ἐν ἀφ' αὐθαρσίᾳ). Аминь*³⁾. Ст. 23. 24.

¹⁾ Св. I. Златоустъ (M. 62, col. 170).

²⁾ Къ изъясненію этихъ стиховъ см. стран. 19. 38—41.

³⁾ *Ἀμήν* находится въ 8^м. D. E. K. L. P., въ большинствѣ мнѣскульовъ и переводовъ и у многихъ отцовъ Церкви (св. I. Златоустъ, св. Осодоритъ), и потому нѣтъ твердаго основанія считать его простою литургическою прибавкою, что дѣлають по-близивъ критики и издателя.

Апостолъ испосылаетъ сугубое благословеніе—Ефесскимъ христіанамъ и христіанамъ вообще („со всѣми любящими“). Что, говоритъ св. І. Златоустъ, въ другихъ мѣстахъ посланій св. Павла соединено, т. е. благодать (χάρις) и миръ (εἰρήνη), то здѣсь раздѣляется: „миръ Апостолъ помѣстилъ особо и благодать также“¹⁾. *Миръ*—это не простое христіанское согласіе или отсутствіе распрей, какъ понимаютъ нѣкоторые²⁾, а, соотвѣтственно еврейскому שָׁלוֹם, schalom, это благословеніе Божіе, общеніе или единеніе съ Богомъ, вытекающее изъ примиренія съ Богомъ, при которомъ мы пользуемся всѣми божественными благами. Этотъ миръ достигается не собственными нашими силами, а подается *благодатью* Божіею („благодать и миръ“). Плодомъ же благодатнаго общенія съ Богомъ является *любовь* къ Богу и ближнимъ,—„любовь съ вѣрою“,—не то же, что „любовь и вѣра“, а любовь при вѣрѣ,—любовь необходимо требуемая истинною вѣрою, ибо истинная жизнь въ вѣрѣ есть жизнь въ любви.

Весьма затрудняетъ экзегетовъ истолкованіе послѣднихъ словъ: ἐν ἀφθαρσίᾳ. Безспорно, что наиболее естественнымъ является огнесеніе этого выраженія къ τῶν ἀγαπώντων³⁾: „благодать Божія да будетъ съ тѣми, которые любятъ Господа нашего Иисуса Христа *въ неистлѣннѣ*“, т. е. любовью неизмѣнною, твердою, не колеблющеюся, николиже отпадающею,—любовью вѣчною. Огнесеніе ἐν ἀφθαρσίᾳ къ χάρις является пенагуральнымъ въ силу самаго расположенія словъ и приводитъ къ такимъ искусственнымъ толкованіямъ: „благодать, сопровождающаяся неистлѣніемъ, приводящая къ неистлѣ-

¹⁾ Migne, 62, col. 174.

²⁾ Изъ нашихъ богослововъ преосв. *Геофанъ*, Толкованіе, стр. 445.

³⁾ Такъ изъ древнихъ: св. *І. Златоустъ*, бл. *Теодоритъ*; изъ новыхъ: *Meyer*, s. 287; *Ellicott*, p. 159; *Oltramare*, III, p. 434; *Bisping*, s. 152.

нiю, къ вѣчной жизни“ ¹⁾, или: „благодать, по самой своей сущности неизмѣнная“ ²⁾. Само собою разумеется, что неизмѣнная, непреходящая любовь есть любовь чистая, искренняя, недоступная никакому влеченiю грѣховности, такъ что понятие ἀφθαρσία здѣсь переходитъ въ ἀφθορία, ἀδιαφθορία (Тит. 2, 7) ³⁾.

Такъ въ Апостольскомъ благословенiи какъ бы объединяется все содержанiе разсмотрѣннаго нами посланiя. Да укрѣпляется *вѣра*, величiе которой Апостолъ изобразилъ столь пространно въ первой части посланiя; да возрастаетъ *любовь*, которая служитъ основою всей нашей христіанской жизни; да водворяется *миръ* съ Богомъ, котораго не нарушатъ никакія вражескія нападенiя, если, во имя Евангелiя мира, или Бога мира, мы будемъ пользоваться съ молитвою данными намъ всеоружіемъ Божиимъ. Всѣ же эти блага суть дѣйствио *благодати* Божіей.

¹⁾ Olshausen, s. 302; Haupt, s. 259; Soden, s. 154.

²⁾ Harless, s. 569. 570.

³⁾ Ἀφθαρσία въ смыслѣ „чистоты“ употребляется въ Премудр., 6, 19. 20.— Изъ повѣйшихъ Клепиеръ повторяетъ совершенно уже оставленную экзегетамъ, какъ явно несостоятельную, конструкцию, по которой ἐν ἀφθαρσία нужно соединять съ Ἰησοῦν Χριστὸν (такъ раньше Ветингеиус: Jesum Christum in immortalitate i. e. immortalem, gloriosum, non humilem).

слѣдующемъ за сямъ „Введеніи“ подробно останавливается на вопросѣ о томъ, кого разумѣть онъ подъ интеллигенціей, когда получила эта „соціальная группа, трудящаяся для развитія и процвѣтанія духовной стороны культуры“, свое начало, въ какомъ отношеніи стоитъ она къ бюрократіи и къ духовенству.

Историческое изслѣдованіе начинается съ эпохи Петра Великаго, при чемъ устанавливается фактъ значительнаго измѣненія за это время въ положеніи пастыря, въ смыслѣ ограниченія прежняго исконнаго вліянія его на всѣ стороны русской жизни. Затѣмъ слѣдуетъ обзоръ положенія духовенства и отношеній къ нему правительства и высшихъ классовъ въ царствованіе Екатерины II, подъ вліяніемъ главнымъ образомъ идей французской философіи,—въ эпоху Александра I, къ которой относитъ авторъ и начало нашей интеллигенціи,—въ царствованіе Николая I, когда интеллигенція, заключавшаяся въ кружки и увлекавшаяся идеями философскаго идеализма (Шеллинго-Гегельянствомъ), уже ушла отъ вліянія духовенства, находившагося къ тому же во всѣхъ отношеніяхъ въ печальномъ положеніи,—въ яркую эпоху 60-хъ годовъ, съ ея увлеченіями естественными науками, соціальными идеями, антихристіанскими сочиненіями, когда интеллигенція, ставъ „хозяиномъ“ эпохи, преслѣдовала духовенство страшными нападками и преувеличенными обвиненіями и отстранила его отъ дѣла народнаго образованія,—наконецъ, въ эпоху реакціи, пробужденія интереса къ религіознымъ вопросамъ и расширенія дѣятельности духовенства, поставленнаго уже въ лучшія условія во всѣхъ отношеніяхъ. Заканчивая этотъ обзоръ общою характеристикой современнаго состоянія русскаго пастыря, какъ видно культурнаго дѣятеля, и интеллигенціи, переживающей время переходное, тѣшечной цѣльности и единства въ направленіяхъ своего міровоззрѣнія, авторъ переходитъ затѣмъ къ анализу философскихъ идей и идеаловъ современной интеллигенціи подъ вліяніемъ Голстого, Ницше и др., признавая наличность въ ней, въ общемъ, идеалистическаго направленія, жажды смысла и

определенной жизни, высшихъ идеаловъ. Не ограничиваясь этимъ общимъ обзоромъ и характеристикой, авторъ выдѣляетъ дѣлѣ стоимъ вниманіемъ наиболѣе популярныхъ современныхъ религиозныхъ мыслителей—интеллигентовъ—г.г. Минскаго, Мережковского и Розанова, излагая и характеризуя сущность религиозно-философскихъ воззрѣній каждаго изъ нихъ отдѣльно. Уяснивъ такимъ образомъ руководящіе главнѣйшіе въ настоящее время идеи въ міровоззрѣніи нашей интеллигенціи, авторъ подвергаетъ ихъ дѣлѣ разбору и критикѣ „при свѣтѣ православно-христіанскаго вѣроученія“ и заканчиваетъ сочиненіе общимъ взглядомъ на всѣ указаные имъ причины современнаго отчужденія интеллигенціи отъ пастыря въ Россіи.

Какъ видимъ, авторъ далъ своеобразную постановку своему труду, ограничивъ свою задачу изслѣдованіемъ и уясненіемъ только причинъ и характера того печальнаго явленія, какое представляетъ современное отношеніе русской интеллигенціи къ своему пастырю. Если въ своемъ „Предисловіи“ онъ и обѣщаетъ, что этотъ путь приведетъ косвенно и къ средствамъ сближенія между отчужденными сторонами, то на самомъ дѣлѣ этого, къ сожалѣнію, у него не получается, и сочиненіе имѣетъ видъ незакопченный. Однако этого мы огнюдь не ставимъ въ большую вину автору. Онъ избралъ прекрасный широко научный методъ изслѣдованія и рѣшенія вопроса своей темы—методъ историческій съ присоединеніемъ христіански-философской критики цѣлнанныхъ явленій и идей. Но чтобы довести дѣло такимъ путемъ до конца, при всей обширности, сложности и разбросанности матеріала, съ какииъ необходимо приходится имѣть дѣло, матеріала при томъ часто далеко не вполне легкаго (какъ, напр., міровоззрѣніе Мережковского или Розанова), сроки студенческой „кандидатской“ работы очень малы. Принимая во вниманіе это обстоятельство, можно признать, что студентомъ Андреевскимъ сдѣлано даже очень много. Что же касается качества и достоинства работы, представленной имъ, то въ этомъ отношеніи авторъ заслуживаетъ только похвалы.

Овладевъ обширнѣйшею и разнообразною литературой — не механически, а съ полнымъ уясненіемъ ея, авторъ сумѣлъ объективно — критически отнестись къ различнымъ сторонамъ изслѣдуемаго имъ предмета, дать полный и ясный отчетъ въ анализѣ историческихъ фактовъ и философскихъ идей и изложилъ результаты своего труда въ стройной ясной формѣ, безукоризненно-литературнымъ языкомъ. Вообще, въ своей работѣ авторъ обнаружилъ не только способность справляться съ обширными вопросами и матеріалами большого литературнаго труда, но и значительную талантливость. Поэтому рассматриваемое сочиненіе я признаю кандидатской степени вполне заслуживающимъ“.

б) Экстраординарнаго профессора А. Булгакова:

„Названный трудъ посвященъ обзорѣнію причинъ отчужденія отъ церкви той части русскаго общества, которому дается имя „интеллигенція“. По моему мнѣнію этому труду и слѣдовало бы дать такое названіе. Въ началѣ своего труда авторъ констатируетъ фактъ разлада и разрыва между духовною властію и свѣтскими лицами, — разрыва, доходящаго до отпаденія отъ христіанства, и, — послѣ опредѣленія задачи своего труда указываетъ методъ разработки и изложенія добытаго имъ матеріала. Онъ останавливается на историческомъ методѣ, отдавая ему предпочтеніе предъ систематическимъ, чтобы спастись отъ субъективизма и быть безпристрастнымъ въ изслѣдованіи. Но онъ повидямому слишкомъ преувеличиваетъ дѣло. Исторія, какъ и всякая наука должна быть объективна. Но это — идеаль, и какъ идеаль является для изслѣдователей недоступнымъ, потому что историкъ не обладаетъ однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ для объективнаго изслѣдованія и изложенія прибрѣтеннаго матеріала: онъ не можетъ непосредственно наблюдать его, и не можетъ производить опытныхъ изслѣдованій: онъ имѣетъ дѣло съ матеріаломъ, добытымъ другими и прошедшимъ иногда чрезъ очень многія руки. Такимъ образомъ

при самомъ искреннемъ желаніи быть объективнымъ авторъ-историкъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи данныхъ для этого.

Становясь на историческую точку зрѣнія студентъ Андріевскій, вмѣсто того, чтобы говорить объ отношеніи интеллигенціи и пастырей церкви въ наше время, значительную часть своего труда посвящаетъ историческому обзору религіозно-нравственного переворота, происшедшаго въ 17 и 18 в.в. въ жизни русскаго общества. Но этотъ обзоръ не даетъ намъ объясненій, почему въ общемъ теченіи русской жизни за это время наши пастыри, невидимому, не принимали никакого участія, и общество, какъ будто ушло отъ нихъ, ускользнуло изъ—подъ ихъ вліянія; такъ что факты нашего времени такъ и остаются безъ исторической подкладки. А современнику не надъ чѣмъ поучиться въ прошломъ, чтобы на будущее время избѣгнуть то же самое, какъ объ этомъ мечтаетъ авторъ (стр. 15).

Сочиненіе студента Андріевского раздѣлено на 17 отдѣловъ; но отдѣлы эти не имѣютъ опредѣленныхъ названій, и потому, просматривая сочиненіе, весьма трудно составить понятіе о планѣ, который авторъ положилъ въ основу своей работы. Пять послѣднихъ отдѣловъ представляютъ собою оцѣнку воззрѣній сотрудниковъ журнала „Новый Путь“; четыре предыдущихъ отдѣла даютъ намъ изложеніе воззрѣній представителей современной интеллигенціи. Здѣсь читатель находитъ воззрѣнія Милскаго, Мережковского, Розанова. Но весьма мало и вѣрнѣе почти ничего не находимъ въ отвѣтъ на вопросъ объ отношеніи интеллигенціи къ пастырю и пастырству. При оцѣнкѣ отношенія современной интеллигенціи къ Церкви авторъ много останавливается на религиозной сторонѣ воззрѣній современной интеллигенціи (по крайней мѣрѣ въ лицѣ названныхъ представителей) и упускаетъ изъ виду, что эта сторона воззрѣній стоитъ у нихъ на заднемъ планѣ: ихъ главная задача,—какъ это извѣстно и автору,—не

рѣшеніе вопросовъ о вѣрѣ, а проведеніе въ жизнь выработанныхъ на Западѣ государственныхъ и общественныхъ правовыхъ воззрѣній и попытка примирить ихъ,—хотя бы виѣшнимъ образомъ,—съ основнымъ христіанскимъ началомъ, опредѣляющимъ отношеніе людей между собою. Современныя интеллигенцы хотятъ, чтобы Церковь выступила вмѣстѣ съ ними на соціально политическую борьбу, направленную къ развитію такъ называемыхъ свободныхъ учреждений,—на борьбу подъ знаменемъ, на которомъ написаны подмѣненные Западомъ девизы: „равенство, братство и свобода“. Они прекрасно понимаютъ, что это противно духу церкви, и что сея предсавигеси не могутъ этого сдѣлать. Вотъ гдѣ причина разлада и разрыва съ Церковію современной интеллигенціи, кружки этой интеллигенціи гораздо шире кружковъ, въ которые входятъ читатели произведеній Толстого, Минскаго, Мережковскаго и Розанова. Авторъ слишкомъ сузилъ объемъ понятія „интеллигенція“. Впрочемъ ставить это въ вину ему, какъ начинающему писателю, можно только въ качествѣ совѣта на будущее время. Онъ взялъ предметъ для своей работы изъ современной жизни, которая не всегда удобно укладывается въ рамки историческаго изслѣдованія.

Для выполненія своей работы студентъ Андріевскій долженъ былъ перечитать и пересмотрѣть очень многое, и, изъ этого многого выбрать то не многое, что является отличительнымъ и характернымъ въ духовной жизни современныхъ интеллигентовъ. Это сдѣлано имъ добросовѣстно и оцѣнка новопутейскихъ воззрѣній съ религіозной стороны сдѣлана правильно,—съ догматической точки зрѣнія. Но авторъ долженъ помнить, что его полемическія стрѣлы будутъ безсильны, потому что догматы для новопутейцевъ не имѣютъ никакого значенія: это,—говорятъ они,—„шелуха“ на христіанствѣ. Истинное христіанство, по ихъ мнѣнію, адогматично.

Изъ заключеніе долженъ сказать, что авторъ обладаетъ бойкимъ публицистическимъ перомъ; прилагая трудъ къ изученію современныхъ запросовъ и теченій интеллигентной мысли, онъ можетъ быть не безполезнымъ апологетомъ

перкви предъ современными ея судіями. Трудъ его можно признать удовлетворительнымъ кандидатскимъ трудомъ“.

3) О сочиненіи студента Николая Арнольдова на тему: „Монастыри Пахомія и ихъ устройство въ IV вѣкѣ“.

а) Доцента Н. Мухина:

„Сочиненіе студента Арнольдова представляетъ изъ себя небольшую по своему объему компиляцію. Авторъ ставитъ для себя двоякую задачу. Съ одной стороны, онъ имѣетъ въ виду представить исторію возникновенія и постепеннаго развитія монастырей преп. Пахомія въ IV вѣкѣ, а съ другой стороны, — изобразить устройство этихъ монастырей въ указанный періодъ времени. Намѣченную для себя задачу авторъ разрѣшаетъ болѣе или менѣе удовлетворительно, хотя нельзя не видѣть, что сочиненіе не блещетъ полнотою своего содержанія. Сообщаемыя авторомъ свѣдѣнія по исторіи возникновенія и развитія монастырей преп. Пахомія въ рассматриваемый періодъ отличаются крайнею скудостью. Далѣе, авторъ вовсе не касается важнаго для него вопроса объ уставѣ преп. Пахомія, опредѣлившемъ самую жизнь монастырей, происхожденія этого устава, его значенія и т. д. Этотъ недостатокъ сочиненія искупается постоянными изложеніями его, чистотою рѣчи, выработанностью плана. Какъ кандидатская диссертация, сочиненіе г. Арнольдова удовлетворительно“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора К. Попова:

„Авторъ поставилъ задачей своего сочиненія обзоръ исторіи возникновенія и постепеннаго развитія монастырей преп. Пахомія въ IV-мъ вѣкѣ“ и описаніе устройства ихъ въ указанный періодъ времени (стр. 1). Для выполненія этой, вѣрно опредѣленной, но въ общихъ чертахъ намѣченной, задачи авторъ ознакомился только съ главнѣйшими источниками и пособиями русскими и иностранными, скромное количество

которыхъ указываетъ на то, что онъ имѣлъ въ виду кратко описать лишь существенныя стороны предмета своего сочиненія. И подлинно, въ первыхъ двухъ главахъ онъ предлагаетъ краткія біографіи настоятелей и основателей монастырей — Нахомія, Петропія, Орсісія и Феодора и краткій хронологическій перечень основанныхъ ими мужскихъ и женскихъ монастырей, а въ остальныхъ двухъ — изображеніе виѣшняго устройства монастырей и быта жившихъ въ нихъ монаховъ. Біографіи аввъ, не смотря на краткость ихъ, можно назвать довольно хорошими, хронологическій перечень монастырей — точнымъ, а описаніе виѣшняго устройства и бытовой стороны ихъ — достаточно полнымъ. Изученное и вычитанное авторъ изложилъ языкомъ простымъ, правильнымъ и выразительнымъ. Сочиненіе студента Арнольдова, дающее, какъ показано выше, надлежащее понятіе о предметѣ, составляющемъ содержаніе его, и написанное хорошимъ литературнымъ языкомъ, нахожу удовлетворительнымъ для полученія (авторомъ его) степени кандидата богословія“.

4) О сочиненіи студента Іеронима *Арсениивили* на тему: „Христіанскій взглядъ на богатство и бѣдность“.

а) И. д. доцента В. Экземлярскаго:

„Въ виду трудности и сложности вопроса мною въ самомъ началѣ была указана г. Арсениивили основная задача для его труда, это, во первыхъ, положительное раскрытіе новозавѣтнаго ученія о богатствѣ и бѣдности, на основаніи святоотеческаго пониманія соотвѣствующихъ мѣстъ Св. Писанія; а во вторыхъ, изложеніе воззрѣній на этотъ предметъ, лично принадлежащихъ наиболѣе чтимымъ Церковію свв. отцамъ. Такая задача безспорно, была бы и посильна для автора, принимая въ соображеніе краткость находившагося въ его распоряженіи времени; а затѣмъ, такая постановка дѣла вполне отвѣчала и положенію вопроса въ нашей богословской литературѣ, въ которой до настоящаго времени мы не имѣемъ подобнаго изслѣдованія.

То къ сожалѣнію г. Арсенишвили избралъ другой путь для разрѣшенія вопроса. Въ интересно написанномъ введеніи онъ указываетъ на то громадное значеніе, какое имѣетъ въ сознании современнаго образованнаго общества вопросъ о богатствѣ и бѣдности, и на постоянныя попытки западныхъ ученыхъ представить евангельское ученіе въ видѣ социальной доктрины, при чемъ неизбѣжно замѣчается въ трудахъ подобнаго рода крайнее произвольное отношеніе и къ тексту новозавѣтнаго писанія, и къ самому пониманію текста. Въ виду такой постановки дѣла въ западной богословской наукѣ, авторъ, какъ открывается изъ его сочиненія, ставитъ своею цѣлью опровергнуть главнѣйшія заблужденія въ пониманіи сущности христіанскаго ученія о данномъ вопросу и установить подлинность новозавѣтнаго текста, а главное, должное его пониманіе на основаніи всесторонняго анализа текста. Соответственно такой задачѣ, авторъ въ первой главѣ первой части указываетъ нѣкоторые направления къ рѣшенію интересующаго его вопроса въ западной нѣмецкой, преимущественно) литературѣ; во второй главѣ предлагаетъ анализъ первой заповѣди блаженства, въ связи съ сборомъ неправильныхъ ея пониманій; въ третьей главѣ ставиваются на нѣкоторыхъ приглаголахъ и отдѣльныхъ изреченіяхъ Господа въ четвертой—говоритъ объ отношеніи Самого Христа Спасителя къ богатымъ и бѣднымъ во время Евангельской жизни. Въ двухъ главахъ второй части авторъ останавливаетъ вниманіе на вѣкѣ апостольской церкви и говоритъ о жизни первоначальной Іерусалимской общины и ученіи и пересекующему его вопросу свв. апостоловъ Іакова и Павла. Сколько мнѣ извѣстно, авторъ предполагалъ въ особой частности своего сочиненія изложить и святоотеческое ученіе о богатствѣ и бѣдности, но, какъ замѣтно, и не приступалъ къ знакомству съ святоотеческими воззрѣніями, что и неудивительно въ виду сложности и трудности поставленной себѣ авторомъ задачи. И въ самомъ своемъ видѣ сочиненіе г. Арсенишвили представляетъ большой трудъ, но трудъ, по моему убѣжденію, малъ

производительный. Авторъ захотѣлъ порисовать со новолюбивцевою, главнымъ образомъ, школою и при томъ обратиться къ средствамъ. Едвали надо и говорить, что онъ не могъ справиться со своей задачей въ такой короткій срокъ и съ тѣмъ же результатомъ, какія находились въ его распоряженіи. А между тѣмъ временно провергнувъ главнѣйшія заблужденія критической мысли, авторъ привлекло къ себѣ все вниманіе автора, вследствие чего и не находимъ въ разсматриваемомъ сочиненіи самого важнаго и подробно раскрытаго положительнаго рѣшенія вопроса матеріала для такого рѣшенія въ сочиненіи г. Арсенишвили довольно; знакомство автора съ интересовавшей его литературой достаточное; трудолюбіе его не подлежитъ сомнѣнію; авторъ тронулъ много серьезныхъ и интересныхъ вопросовъ. Но одна необработанность сочиненія и переполненіе его полемическимъ элементомъ много вредятъ хорошему впечатлѣнію при чтеніи настоящаго труда. По всему видно, что авторъ могъ бы дать русской богословской литературѣ нѣчто болѣе полное и цѣнное при другой, болѣе простой постановкѣ дѣла; теперь, въ своемъ настоящемъ необработанномъ видѣ сочиненіе г. Арсенишвили не можетъ имѣть истинно научной цѣнности, если только у автора не найдется достаточно мужества и терпѣнія заново переработать свое сочиненіе. Но такъ какъ указанные недостатки работы завнеся, главнымъ образомъ, отъ трудности поставленной себѣ авторомъ задачи, и въ своемъ сочиненіи онъ достаточно въ общемъ обнаруживаетъ способность къ серіозной работѣ, то я полагаю бы возможнымъ признать настоящее сочиненіе, какъ срочную студенческую работу, болѣе чѣмъ удовлетворительною кандидатской диссертацией^а.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора Ѳ. Покровскаго:

„Авторъ даетъ въ своемъ сочиненіи полный и довольно обстоятельный отвѣтъ на рѣшаемый въ немъ вопросъ. Онъ

резюмируя отмѣчаетъ высокое значеніе вопроса о богатствѣ и бѣдности въ общественной жизни, неудачныя попытки рѣшить его помимо христіанства и усиливающееся стремленіе искать отвѣта на него въ христіанствѣ. Положительное раскрытіе и объективное воспроизведеніе новозавѣтнаго ученія о богатствѣ и бѣдности ставитъ онъ основною задачею и своего сочиненія. При выполненіи этой своей задачи онъ встрѣчается съ различными, часто противорѣчивыми взглядами, которые онъ подвергаетъ критикѣ прежде изложенія своего положительнаго отвѣта. Авторъ хорошо познакомился съ своимъ предметомъ въ его источникахъ и богатой литературѣ и довольно свободно распоряжается добытымъ матеріаломъ. Обыкновенно онъ опредѣленно ставитъ подлежащій его рѣшенію частный вопросъ, указываетъ въ общихъ положеніяхъ существующія рѣшенія его и вытекающую изъ нихъ для него задачу и потомъ рѣшаетъ ее сначала путемъ критическаго разбора существующихъ мнѣній, а потомъ и положительнымъ образомъ. Въ рѣшеніи частныхъ вопросовъ изслѣдованія, особенно въ критикѣ мнѣній, иногда нѣтъ надлежащей ясности и опредѣленности,—но это и не удивительно въ виду трудности этихъ вопросовъ самихъ по себѣ и крайняго разнообразія существующихъ рѣшеній. Положительный взглядъ автора вѣренъ евангеліямъ и апостольскимъ посланіямъ, которые сами—что вынужденъ былъ опять доказывать авторъ—имѣютъ одинаковый взглядъ на богатство и бѣдность, а не противорѣчатъ другъ другу. Сочиненіе написано хорошимъ языкомъ и читается съ интересомъ. Какъ сочиненіе на степень, оно, по моему мнѣнію, должно быть признано удовлетворительною и даже очень хорошею кандидатскою диссертациею“.

5) О сочиненіи студента *Михаила Аванасьева* на тему: „Очеркъ исторіи Бѣлоградско-Курской епархіи XVII и XVIII вѣковъ“.

и) Экстраординарного профессора, священника О. Титова:

„Сочиненіе состоитъ изъ предисловія, введенія и пяти главъ.

Въ *предисловіи* (стр. I—II), авторъ перечисляетъ источники—рукописные и печатные, которыми онъ пользовался при составленіи своего труда и устанавливаетъ планъ сочиненія.

Во *введеніи* (стр. I—24), кратко излагается исторія начала христіанства въ Курскомъ краѣ и, въ частности, рѣшается вопросъ о церковно-іерархической зависимости православнаго населенія Курскаго края до учрежденія самостоятельной епархіи въ Бѣлгородѣ.

Первая глава (стр. 25—75) посвящена исторіи учрежденія Бѣлгородско-Обоянской епархіи, при чемъ устанавливается время и выясняются причины и побужденія къ учрежденію ея, равно какъ опредѣляются составъ и границы ея въ XVII—XVIII вв.; *вторая глава* (стр. 77—195) занята изложеніемъ краткихъ біографическихъ свѣдѣній объ іерархахъ, управлявшихъ Бѣлгородско-Курскою епархіею въ XVII—XVIII вв.; *третью главу* (стр. 197—364) составляетъ очеркъ исторіи главнѣйшихъ монастырей, существовавшихъ въ предѣлахъ Бѣлгородско-Курской епархіи въ XVII—XVIII вв.; *глава четвертая* (стр. 365—450) содержитъ краткую исторію духовнаго просвѣщенія въ Бѣлгородско-Курской епархіи въ XVII—XVIII вв. (духовныхъ школъ ея) и *пятая глава* (стр. 451—479) посвящена краткой характеристикѣ религіозно—нравственнаго состоянія духовенства и населенія Бѣлгородско-Курской епархіи въ XVII—XVIII вв.

Какъ видно изъ сказаннаго, сочиненіе автора сравнительно полно и всесторонне обнимаетъ избранный имъ предметъ. Оно составлено на основаніи тщательнаго изученія источниковъ не только печатныхъ, но отчасти даже и рукописныхъ. Историче-

ские факты, за весьма небольшими исключениями, представлены полно. Язык сочинения сравнительно обработанный и чистый.

Принимая во внимание большой трудъ, понесенный авторомъ при составленіи своего сочиненія, обладающаго вышеуказанными достоинствами, я, съ своей стороны, нахожу возможнымъ признать сочиненіе студента Аоанасьева весьма хорошею кандидатскою диссертациею“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева:

„Сочиненіе студента Аоанасьева—трудъ въ высшей степени старательный. Авторомъ просмотрѣна масса не только печатнаго, но отчасти и рукописнаго матеріала, имѣвшаго отношеніе къ предмету его изслѣдованія. Не подлежитъ сомнѣнію и то, что авторъ писалъ свое сочиненіе съ любовію, даже увлеченіемъ, ибо—какъ онъ заявляетъ—Бѣлгородско-Курская епархія для него „епархія родная“. Тѣмъ не менѣе большаго научнаго значенія разсматриваемое сочиненіе не имѣетъ. Зависѣло это, съ одной стороны, отъ темы сочиненія, требовавшей отъ автора трактатія о многихъ предметахъ и за то нѣтъ періодъ времени (объ іерархахъ, монашествахъ, училищахъ и т. д.), вслѣдствіе чего являлась необходимость, компилируя извѣстныя данныя, втискивать ихъ въ узкія рамки, а съ другой стороны—и отъ самого автора, не всегда обнаружившаго надлежащую опытность при такой компиляціи. При этомъ замѣчается кое гдѣ недостаточное критическое отношеніе къ источникамъ и односторонность въ сужденіяхъ (панисланизмъ). Нѣкоторыя (хоть и немногія) страницы написаны въ тонѣ приподнятомъ, по мѣстамъ даже приторно-слащавомъ.—Впрочемъ, въ общемъ сочиненіе производитъ впечатлѣніе благоприятное и можетъ быть отнесено къ разряду хорошихъ, даже—пожалуй—очень хорошихъ кандидатскихъ диссертаций“.

6) О сочиненіи студента Александра *Багинскаго* на тему: „Взглядъ Татіана на древне-классическую религію и литературу“.

а) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея І. Королькова:

„Настоящее сочиненіе состоитъ изъ предисловія, введенія, двухъ главъ изслѣдованія и заключенія.

Въ *предисловіи* авторъ указываетъ задачу своего труда, состоящую въ томъ, „чтобы изложить взглядъ Татіана на древне-классическую религію и литературу такъ, какъ онъ выраженъ въ „рѣчи противъ Эллиновъ“. Но такъ какъ взглядъ Татіана на этотъ предметъ страдаетъ односторонностію и пристрастностію, то авторъ считаетъ необходимымъ выяснить причины и условія, по которымъ образовался такой взглядъ Татіана, и указать значеніе сужденій его на древне-классическую религію и литературу.

Во *введеніи* авторъ представляетъ характеристику Татіана и его твореній, указавши предварительно тѣ условія, при которыхъ возникла въ первое вѣка христіанства апологетическая литература, и тѣ задачи, которыя она преслѣдовала.

Въ *первой* главѣ излагается взглядъ Татіана на древне-классическую религію, при чемъ авторъ рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи религіи грековъ и другихъ языческихъ народовъ по ученію Татіана, объ участіи въ этомъ дѣлѣ демоновъ, о свойствѣ греческихъ божествъ, ихъ ограниченности и слабостяхъ, о театральныхъ зрѣлищахъ, мистеріяхъ, оракулахъ.

Во *второй* главѣ авторъ разбираетъ взглядъ Татіана на древне-классическую литературу, раздѣляя эту главу на два отдѣла: въ первомъ (очень небольшомъ) излагается взглядъ Татіана на древне-классическую литературу вообще, во второмъ — взглядъ на философскую литературу, въ частности.

Въ *заключеніи* авторъ высказываетъ сужденіе о недостаткахъ воззрѣнія Татіана на древне-классическую религію и

литературу, показывая его односторонность и пристрастность.

Авторъ со вниманіемъ отнесся къ своему дѣлу. Взглядъ Татіана на древне-классическую религію и литературу изложенъ довольно полно, оцѣненъ правильно и безпристрастно. Авторъ обнаружилъ достаточное знакомство съ одной стороны съ древне-греческою религіею и мифологіею, а съ другой—съ исторіею христіанства первыхъ вѣковъ. Приводя выдержки изъ творенія Татіана, авторъ слѣдуетъ переводу прот. Преображенскаго, который онъ вѣрѣдко сличаетъ съ подлинникомъ и иногда исправляетъ.

Къ недостаткамъ сочиненія должно отнести то, что авторъ многія мифологическія названія, встрѣчающіяся у Татіана, оставляетъ безъ объясненія, нѣкоторыя (правда немногія) имена греческихъ божествъ (Аиона, Арей) передаетъ латинскими именами (Минерва, Марс). Въ послѣднемъ случаѣ авторъ слѣдуетъ переводу прот. Преображенскаго, руководившагося въ этихъ мѣстахъ латинскимъ переводомъ.

Въ изложеніи автора встрѣчаются по мѣстамъ неровности и шероховатости (стр. 1, 80, 81).

Степени кандидата настоящее сочиненіе, безспорно, заслуживаетъ“.

6) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Дроздова:

„Сочиненіе г. Баглицкаго состоитъ изъ двухъ главъ, изъ которыхъ въ первой авторъ излагаетъ взглядъ Татіана на древне-классическую религію, а во второй, состоящей изъ двухъ отдѣловъ, излагаетъ воззрѣнія его на литературу вообще и на философскую литературу въ частности, сопровождая изложеніе поясненіями и критическими замѣчаніями. Но такъ какъ воззрѣнія Татіана отличаются крайнею рѣзкостью и односторонностью, то сочиненію предпосылается введение, посвященное выясненію причинъ этой односторонности. Заключается сочиненіе краткимъ заключеніемъ „о недостаткахъ

взгляда Татіана и его важности". Планъ этотъ представляется намъ не совсѣмъ удачнымъ. О причинахъ односторонности воззрѣній Татіана естественнѣе было бы говорить не предъ изложеніемъ воззрѣній, а при самомъ изложеніи или послѣ изложенія ихъ. Первый отдѣлъ второй главы, какъ имѣющій тѣсную связь со вторымъ и очень скудный по содержанію совершенно напрасно отдѣленъ отъ второго. Также и выполнение плана не лишено слабыхъ сторонъ, обнаруживающихся въ особенности въ исторической и критической частяхъ сочиненія. Такъ, авторъ объясняетъ односторонность воззрѣній Татіана условіями возникновенія и задачами апологетической литературы. „*Апогеты*“ (апологеты?), говоритъ онъ, „не могли (?) безпристрастно (sic!) отнестись къ язычеству, *испытывая* (испытывая?), съ одной стороны, отъ него тяжкія гоненія, а, съ другой,—имѣя въ виду доказать его несостоятельность. Только немногіе апологеты, какъ, напр., Іустинъ Философъ (sic!) могли держаться болѣе или менѣе объективной точки зрѣнія на язычество. Остальные же сморгнули на язычество односторонне не желая видѣть въ немъ никакихъ проблесковъ истины (стр. 16—17)“. Но эти объясненія не соответствуютъ дѣйствительности. Большинство апологетовъ христіанства относились къ язычеству—вполнѣ безпристрастно. Въ особенности слѣдуетъ сказать это объ апологетахъ II вѣка, которые, по справедливому замѣчанію профессора Реверсова въ бышемъ подъ руками у автора сочиненіи „Защитники христіанства“ (стр. 34), болѣею частью смягчали заблужденія язычества указывая въ немъ проблески истины, и особенно сочувственно относились къ языческой философіи, иногда усматривая въ не подготовленіе къ христіанству и весьма часто ссылаясь на е авторитетъ въ доказательство истинности христіанскаго ученія. Критическія замѣчанія автора не отличаются глубокою строгою послѣдовательностію мысли и свидѣтельствуютъ и мѣстамъ, повидимому, о не вполнѣ ясномъ пониманіи авторомъ своей задачи и о недостаточномъ знакомствѣ съ нѣкоторымъ

ств трагуемыхъ имъ предметовъ. Такъ, авторъ справедливо говорить, что Татіанъ даетъ не только неполный, но и не всегда бранный взглядъ на древне-классическую религію (стр. 26), отъ которой авторъ не отдѣляетъ міѳологію; но, изложивъ сужденія Татіана о греческой религіи и міѳологіи, сводящіяся въ общемъ къ взгляду на нихъ, какъ на нелѣпыя по своему содержанию, онъ замѣчаетъ, что „подтверждать истинность этого взгляда Татіана нѣтъ нужды; нелѣпость греческой міѳологіи очевидна для всякаго, болѣе или менѣе знакомаго съ нею. Ее выставляютъ почти всѣ апологеты II и III вв. (стр. 50)“. Говоря это, авторъ не только склоняется, вопреки вышеприведенному собственному замѣчанію, къ признанію взгляда Татіана правильнымъ, но и упускаетъ изъ вниманія то, что задачей его должно служить не подтвержденіе истинности тѣхъ или другихъ воззрѣній Татіана, а выясненіе основательности или неосновательности ихъ и самой точки зрѣнія Татіана на предметъ. Въ данномъ случаѣ подобнаго рода разъясненія тѣмъ болѣе необходимы, что безпристрастное и болѣе или менѣе основательное изученіе греческой религіи и міѳологіи, вопреки утвержденію автора, не даетъ никакого основанія признавать ихъ нелѣпыми, не смотря на нелѣпость нѣкоторыхъ изъ народныхъ религіозныхъ вѣрованій и міѳологическихъ сказаній, и что многіе изъ апологетовъ находили въ древне-классической религіи пункты, сродные христіанству. Вообще авторъ проявляетъ не всегда умѣтное и удачное усердіе къ защитѣ воззрѣній Татіана, а относительно недостатковъ ихъ нерѣдко или вовсе умалчиваетъ или ограничивается замѣчаніями общаго характера. Къ недостаткамъ сочиненія слѣдуетъ отнести также встрѣчающіяся по мѣстамъ пероховатости изложенія и обиліе стилистическихъ безъ исправленія ошибокъ переписчика. Но разсматриваемое сочиненіе не лишено и многихъ достоинствъ. Авторъ не безъ усѣха выполнилъ главную задачу своего труда. Онъ тщательно изучилъ подлежащую его разсмотрѣнію „Рѣчь“ Татіана не только по русскому переводу, но отчасти и по гре-

ческому тексту, собралъ съ возможною полною всѣ, разсѣянныя въ этой Рѣчи, сужденія Тагіана о древне-классической религіи и литературѣ, привелъ ихъ въ систематическій видъ, снабдилъ объясненіями и критическими замѣчаніями, не лишенными большею частью интереса и основательности и въ достаточной степени свидѣтельствующими о зрѣлости мысли автора, и изложилъ свою работу большею частью чистымъ и яснымъ языкомъ. Поэтому трудъ г. Багинскаго можетъ быть признанъ, по нашему мнѣнію, удовлетворительнымъ въ качествѣ кандидатской диссертациі“.

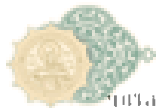
7) О сочиненіи студента Георгія *Березницкаго* на тему: „Проповѣди Берсье“.

а) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея І. Королькова:

„Во введеніи сочиненія авторъ говоритъ о значеніи и выдающихся достоинствахъ проповѣдей Берсье, переведенныхъ на многіе иностранныя языки и высоко цѣнимыхъ современнымъ образованнымъ обществомъ какъ западнымъ, такъ и нашимъ русскимъ.“

Прежде чѣмъ приступить къ анализу проповѣдей Берсье, авторъ считаетъ необходимымъ представить читателю характеристику, хотя краткую, умственного и религіозно-правственнаго состоянія общества, предъ которымъ Берсье произносилъ свои проповѣди. На основаніи разсужденій самаго проповѣдника и большею частію его же собственными словами, авторъ довольно живо нарисовалъ картину нравовъ французскаго общества, его недостатки и темныя стороны.

Самое сочиненіе автора раздѣляется на двѣ части. Первая часть состоятъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ представленъ анализъ проповѣдей Берсье преимущественно нравственнаго содержания, во второмъ—апологетическаго. Эта часть изложена авторомъ не особенно обстоятельно и содержательно, но даетъ

читате по довольно ясное представление о характерѣ и достоинствахъ проповѣдей Берсе.

Во второй части авторъ говорить о вѣншихъ достоинствахъ проповѣдей Берсе, указывая ихъ планъ, построение, составныя части.

Авторъ не разсмотрѣлъ всесторонне предмета изслѣдованія; въ изложеніи его замѣчаются неровности и шероховатости, встрѣчаются выраженія, неудобныя въ серіозномъ, ученомъ сочиненіи.

Впрочемъ, не смотря на указанные недостатки, настоящее сочиненіе, по моему мнѣнію, можетъ быть признано удовлетворительнымъ для кандидатской степени⁴.

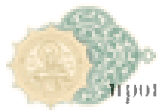
б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвницкаго:

„Авторъ съ любовію изучилъ проповѣди пользующагося заслуженною извѣстностію французскаго реформатскаго пастора Берсе, прочитавъ о немъ и его трудахъ все, что могъ найти въ русской литературѣ, и въ своемъ сочиненіи, не отличающемся самостоятельностью, представилъ довольно вѣрную характеристику его проповѣдей.

Сочиненіе состоитъ изъ введенія и двухъ частей.

Во введеніи авторъ изображаетъ Берсе, какъ чловѣка глубокой и твердой вѣры и широкаго образованія, указываетъ господствующее направленіе его, и даетъ характеристику умственнаго и религіозно-нравственнаго состоянія того общества, къ которому обращался Берсе съ своимъ проповѣднымъ словомъ, извлекая данныя для этой характеристики изъ самыхъ проповѣдей Берсе.

Въ первой части сочиненія излагается содержаніе проповѣдей Берсе. Такъ какъ Берсе для своихъ проповѣдей болынею частью бралъ вопросы нравственныя, то авторъ первѣ всего описываетъ содержаніе его правоучительныхъ проповѣдей и указываетъ главные пункты, которые нашли сильное и основательное раскрытіе въ проповѣдяхъ Берсе. Второй разрядъ

проповѣдей Берсье, характеризующихъ авторомъ, — проповѣди апологетическія, въ которыхъ Берсье защищаетъ вѣру въ Бога и божественный промыселъ, и въ загробную жизнь, и представляетъ апологію христіанства, выставляя божественное достоинство личности Основателя христіанства, и доказывая высокое культурное значеніе евангельскихъ началъ въ жизни человѣческой.

Во второй части авторъ говоритъ о внѣшнемъ характерѣ проповѣдей Берсье. При изображеніи внѣшней стороны проповѣдей Берсье, авторъ первое всего указываетъ на ихъ общедоступность, затѣмъ разъясняетъ, что онъ малое мѣсто уделяетъ формально-логическимъ доказательствамъ, что любимый пріемъ его обращенъ къ совѣсти слушателей, и что онъ предметы, не вполне ясные, поясняетъ примѣрами и сравненіями, взятыми изъ обыденной жизни и окружающей природы и т. п.

Можно бы пожелать болѣе самостоятельной работы отъ автора, но въ заслугу автору можно поставить то, что онъ хорошо воспользовался собраннымъ матеріаломъ и изложилъ его приличнымъ языкомъ.

Степени кандидата сочиненіе заслуживаетъ“.

8) О сочиненіи студента Михайла *Булашева* на тему: „Религіозно нравственный идеалъ русскаго народа по произведеніямъ О. М. Достоевскаго“.

а) И. д. додента В. Экземпларскаго:

„Сочиненіе г. Булашева состоитъ изъ предисловія, введенія и двухъ частей изслѣдованія. Въ предисловіи авторъ вполне вѣрно указываетъ основную задачу своего труда и намѣчаетъ интересный и цѣлесообразный планъ для своего сочиненія. Во введеніи отбѣляетъ одну характерную черту въ жизни О. М. Достоевскаго—его близкое знакомство съ народною жизнію и его любовь къ русскому народу. Въ первой части своего сочиненія г. Булашевъ въ трехъ главахъ излагаетъ содержаніе религіозно-

истиннаго идеала, какъ онъ изображенъ Ѳ. М. Достоевскимъ. В первой части сочинения г. Булашева представляетъ значительныя трудности въ томъ отношеніи, что авторъ сумѣлъ разобратъ обширномъ матеріалѣ, выдѣлить нѣкоторые дѣйствительно ценные пункты въ этическихъ воззрѣніяхъ Ѳ. М. Достоевскаго и представить ихъ въ логической послѣдовательности. Въ этомъ авторъ по возможности избѣгалъ полемики съ разными толкователями взглядовъ Ѳ. М. Достоевскаго и отмѣть такіе пункты въ мировоззрѣніи послѣдняго, которые должны быть признаны безспорно ему принадлежащими. Такая постановка имѣла для сочинения г. Булашева и хорошия и нежелательныя слѣдствія. Къ числу первыхъ надо отнести отчетливое указаніе существенныхъ чертъ народнаго нравственнаго идеала, какъ онъ представлялся Ѳ. М. Достоевскому, и, напротивъ, въ общемъ, перелачу воззрѣнія послѣдняго. Но въ томъ же, черезчуръ рѣзко проведенномъ г. Булашевымъ, вычлени общихъ принципиальныхъ положеній въ жизнепониманіи Достоевскаго заключается и отрицательная сторона этой части сочинения. Полное почти отрѣшеніе автора отъ частныхъ характеристикъ чертъ, какими всегда опредѣляются у Ѳ. М. Достоевскаго основныя начала нравственной жизни, и краткая убогость иллюстрацій къ изложенію этой части сочинения изъ словъ самого Ѳ. М. Достоевскаго сдѣлали то, что въ пониманіи автора вовсе не видно той жизненности, необыкновенности и горячести убѣдительности, которая именно и составляетъ самое цѣнное и характерное въ сочиненіяхъ Ѳ. М. Достоевскаго. Автору удалось набросать не живой конкретный идеалъ нравственнаго совершенства, какъ онъ всегда выступаетъ у Достоевскаго, но лишь общую и неполную схему, лишенную жизни и привлекательности. Во второй части своего сочиненія г. Булашевъ представляетъ краткую критическую оцѣнку раскрытаго имъ ранѣе положительнаго идеала Ѳ. М. Достоевскаго, и въ первой главѣ этой части говоритъ о соответствіи изображеннаго идеала народнон дѣйствительности, а во второй главѣ —

о сходствѣ и разліаніи этого же идеала сравнительно съ христіанскимъ жизнепониманіемъ. Авторъ въ этой части своего сочиненія принялъ на себя очень нелегкую задачу, такъ что я не рѣшаюсь поставить ему въ особую вину то, что осуществити должнымъ образомъ поставленную задачу ему не удалось. Краткости этой части сочиненія вполнѣ отвѣчаетъ ея малосодержательность и блѣдность, какъ первой главы, гдѣ авторъ утверждаетъ правильность пониманія *Θ. М. Достоевскимъ* національныхъ самобытныхъ чертъ духовнаго облика русскаго народа, такъ и второй главы, гдѣ авторъ отмѣчаетъ нѣкоторое несоотвѣтствіе воззрѣній *Достоевскаго* христіанскому ученію.

Къ сказанному считаю должномъ прибавить еще указанія на нѣкоторыя достоинства сочиненія г. Булашева, не отмѣченныя мною при анализѣ его содержанія. Изложеніе автора отличается правильностію и точностію; теченіе мыслей автора строго логическое; самое содержаніе сочиненія обнаруживаетъ достаточное знакомство автора съ произведеніями *Θ. М. Достоевскаго* и съ литературой, посвященной послѣднему. Поэтому сочиненіе г. Булашева можетъ быть признано, по моему мнѣнію, вполнѣ удовлетворительной кандидатской диссертацией“.

б) Экстраординарнаго профессора А. Булакова:

„Небольшое сочиненіе студента М. Булашева распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая даетъ характеристику религиозно-нравственныхъ воззрѣній русскаго народа по сочиненіямъ *Достоевскаго*, а вторая—представляетъ критическую оцѣнку ихъ съ точки зрѣнія Откровенія.

Задача этого труда несложная и вся тяжесть его сводилась къ прочтенію сочиненій *Достоевскаго*, выборѣ изъ нихъ имѣющихъ отношеніе къ темѣ мѣсть; впрочемъ и этого автору не нужно было дѣлать всего самому, въ виду достаточнаго количества критическихъ статей о *Достоевскомъ* и по поводу его религиозныхъ воззрѣній,—его, какъ выразителя русскаго религиозно-нравственнаго міросозерцанія. Главный вопросъ, являющійся при чтеніи сочиненій

Достоевского, состоять въ томъ, что можно-ли характеристику Достоевскаго признать такою, которая отражаетъ правильное русское религіозно-нравственное міросозерцаніе. Авторъ на этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ утвердительный. Но дѣло въ томъ, что въ доказательство своихъ мыслей онъ указываетъ на то, что и другіе писатели такъ же, или почти такъ же оцѣниваютъ религіозно-нравственныя воззрѣнія русскаго народа, какъ и Достоевскій, повидимому забывая, что они составляли свои характеристики въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ Достоевскаго.

Критическая сторона сочиненія студента Булашева можетъ быть признана безукоризненною: онъ правильно отмѣтилъ черты сходства и различія между религіозно-нравственнымъ идеаломъ по Достоевскому, и трудъ его можетъ быть прочитанъ и безъ пользы тѣмъ, которые въ своемъ всепрощеніи и снисходительности къ грѣху и преступленію доходятъ до нравственнаго безразличія и усыпленія.

Какъ сочиненіе для полученія степени кандидата богословія трудъ студента Булашева считаю возможнымъ признать удовлетворительнымъ“.

9) О сочиненіи студента Михаила *Бѣльскаго* на тему: „Аскетическія воззрѣнія бл. Іеронима“.

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора К. Попова:

„Существенною особенностію названнаго труда является односторонность и даже нѣкоторая своеобразность авторскаго взгляда на предметъ и задачу сочиненія, средства и способъ выполненія ея. Предметъ сочиненія г. Бѣльскаго—аскетическія окръжнн бл. Іеронима; задача—изученіе ихъ по первоисточникамъ и пособіямъ; способъ выполненія—систематическое изложеніе, соединенное съ оцѣнкой ихъ съ богословско-исторической и аскетической точекъ зрѣнія. Но въ сочиненіи г. Бѣльскаго не находимъ ясно, точно и полно формулированныхъ

представлений объ этих сторонах его труда. „Предметъ нашего сочиненія, говорить онъ, — изложеніе аскетическихъ воззрѣній бл. Іеронима“ (стр. 1). Въ приведенныхъ словахъ авторъ желалъ, повидимому, выразить ту мысль, что задачей своего сочиненія (а не предметомъ сочиненія) онъ считаетъ простое изложеніе, а не критическое изслѣдованіе, аскетики бл. Іеронима. И подлинно, разсматриваемое сочиненіе есть болѣею частью не что иное, какъ изложеніе правоученія Іеронима, представленное словами этого писателя и только сравнительно рѣдко сопровождаемое пояснительными замѣчаніями автора. Это уже одностороннее пониманіе задачи и метода сочиненія.

Такую же односторонность авторъ проявляетъ и въ своихъ сужденіяхъ объ источникахъ своего литературнаго труда, каковыми онъ считаетъ исключительно одни творенія бл. Іеронима; только въ одномъ мѣстѣ своего „введенія“ онъ дѣлаетъ опредѣленное указаніе на отношеніе Іеронима къ сочиненіямъ Тертуліана (стр. 13); сочиненіями древнихъ аскетовъ, несомнѣнно извѣстными бл. Іерониму и многимъ многое изъ аскетики его разъяснить автору, онъ не пользовался; равнымъ образомъ онъ не воспользовался существующими въ русской литературѣ изслѣдованіями древней аскетики; они также помогли бы автору ввести въ свое сочиненіе въ большей мѣрѣ критическій элементъ, особенно необходимый при оцѣнкѣ Іеронимовыхъ правоучительныхъ разсужденій. Впрочемъ, краткость времени, которымъ располагалъ авторъ, не позволяла ему слишкомъ ужъ расширять кругъ своихъ источниковъ и пособій. Но характеристика источниковъ, кѣими пользовался авторъ, сдѣлана очень хорошо; должно назвать очень дѣльными критическія замѣчанія автора объ общемъ характерѣ аскетическихъ воззрѣній бл. Іеронима; жаль, что высказанныя здѣсь (во „Введеніи“) мысли не получили дальнѣйшаго развитія въ самомъ сочиненіи г. Вильскаго. „Планъ“ сочиненія построенъ довольно искусно. Мысль о дѣяствѣ, т. е. душевной и тѣлесной чистотѣ, немнѣ-

ности, служить основной идеей всей аскетики бл. Иеронима. На этой идее и построенъ планъ разсматриваемаго сочиненія, заключающаго въ себѣ 1) часть теоретическую, выясняющую „идеалъ христіанской жизни (дѣвство) и содержащую а) ученіе о совершеннѣйшей христіанской жизни и б) ученіе о дѣвствѣ, какъ полномъ выраженіи этой жизни; и 2) практическую часть, выясняющую а) препятствія къ храненію дѣвства и б) средства къ устраненію ихъ; с) трудность храненія дѣвства и средства къ соблюденію его. Въ обѣихъ частяхъ представлено подробное и стройное обзорѣніе аскетическихъ воззрѣній бл. Иеронима.

Изъ сказаннаго видно, что сочиненіе студента Бѣльскаго, не смотря на нѣкоторые недочеты, обладаетъ многими добрыми качествами, дѣлающими его вполне удовлетворительною кандидатскою диссертацией“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Дроздова:

„Сочиненіе г. Бѣльскаго начинается введеніемъ, въ которомъ указывается на трудности систематическаго изложенія аскетическихъ воззрѣній блж. Иеронима, дѣлается общая характеристика послѣднихъ въ связи съ обстоятельствами жизни его и излагается планъ сочиненія, которое раздѣляется на двѣ части. Въ первой части, имѣющей теоретическій характеръ и состоящей изъ двухъ главъ, излагается ученіе блж. Иеронима о совершеннѣйшей христіанской жизни и о дѣвствѣ, какъ полномъ выраженіи идеала ея. Вторая часть имѣетъ практический характеръ и состоитъ изъ трехъ главъ, изъ которыхъ въ первыхъ двухъ излагается ученіе блж. Иеронима о препятствіяхъ на пути къ осуществленію идеала совершеннѣйшей христіанской, дѣвственной жизни и о средствахъ къ устраненію ихъ, а въ третьей—о трудности храненія дѣвства и о средствахъ, облегчающихъ храненіе его. Хотя этотъ планъ имѣетъ свое основаніе въ матеріалѣ, подлежащемъ разсмотрѣнію автора; темъ не менѣе онъ, по нашему мнѣнію, значительно

выигралъ бы въ логической стройности, если бы содержаніе третьей главы было включено въ сродныя ей предшествующія двѣ главы или если бы эта глава была поставлена въ началѣ второй части. Что касается самаго содержанія сочиненія, то оно составляетъ плодъ тщательнаго изученія твореній блаж. Иеронима. Авторъ внимательно прочиталъ ихъ, извлекъ изъ нихъ все то, что можетъ служить къ характеристикѣ аскетическихъ воззрѣній блаж. Иеронима, привелъ весь собранный матеріалъ въ систематическій видъ и изложилъ чистымъ хорошимъ языкомъ. Въ этомъ состоитъ главное и наиболѣе цѣнное достоинство сочиненія. Наиболѣе же слабую сторону сочиненія составляетъ недостаточность критическаго освѣщенія матеріала. Авторъ ограничился сдѣланною имъ въ введеніи хотя весьма обстоятельно и основательно, но общою характеристикой аскетическихъ воззрѣній блаж. Иеронима; при изложеніи же самыхъ воззрѣній не подвергаетъ ихъ критическому разсмотрѣнію и не отмѣчаетъ недостатковъ ихъ, указанныхъ въ введеніи, какъ, наприм., крайностей, преувеличеній, односторонности, противорѣчій и т. под. Онъ оставляетъ безъ вниманія также воззрѣнія другихъ церковныхъ писателей, могущія служить къ уясненію, подтвержденію или опроверженію воззрѣній блаж. Иеронима. Тѣмъ не менѣе авторъ въ достаточной степени проявилъ зрѣлость мыслей и способность къ серіознымъ учено-литературнымъ работамъ. Въ качествѣ кандидатской диссертациі разсматриваемое сочиненіе можетъ быть признано, по нашему мнѣнію, вполне удовлетворительнымъ“.

10) О сочиненіи студента Михаила *Вадковскаго* на тему: „Ученіе Евангелиста Іоанна Богослова о любви“.

а) Экстраординарнаго профессора Д. Богданевскаго:

„Указавши во введеніи на важное значеніе любви, на которой именно, а не на отвлеченномъ понятіи бытія, должно

быть построено и философско-научное и богословское мирозрѣніе, такъ что основныя начала богословія и философіи здѣсь совпадаютъ, авторъ раздѣляетъ свое сочиненіе на четыре главы, къ которымъ присоединяется заключеніе.

Въ первой главѣ говорится о любви съ онтологической и космологической точки зрѣнія. Любовь есть основа внутренней жизни Божества, какъ показываетъ христіанское ученіе о Троицѣ, гдѣ Сынъ есть предвѣчный предметъ любви Отца, отображающій существо Отца, а Духъ Святый,—Утѣшитель, Духъ истины и жизни есть Духъ любви и святости. Любовь Божія есть основа и творенія, при чемъ хотя всѣ твари причастны, въ различной степени, любви Божіей, но только въ разумномъ существѣ любовь Божія „осмысливается, т. е. соизнается, какъ истина, какъ основа и цѣль всего бытія“. Въ грѣхонпадѣніи выразилось отпаденіе отъ любви Божіей, источника жизни.

Во второй главѣ христіанская любовь рассматривается съ сотериологической точки зрѣнія,—т. е. говорится объ искупленіи, составляющемъ высшее откровеніе любви Божіей, явленной миру. Распространившись въ духѣ Ѳ. М. Достоевскаго о значеніи сострадательной любви, о виновности каждаго за всѣхъ и за все, авторъ раскрысаетъ, что дѣло искупленія есть дѣло сострадательной божественной любви, принявшей на себя грѣхи и исчадія всего міра, въ удовольствіе правды Божіей. Искупленіе есть именно дѣло и любви, и правды божественной, что авторъ обосновываетъ краткимъ разборомъ теоріи Риччи.

Третья глава сочиненія трактуетъ о любви съ этической точки зрѣнія,—говорится о любви, какъ содержаніи всей жизни христіанина. Тутъ находимъ по большей части буквальное приведеніе мѣстъ изъ писаній Евангелиста Іоанна о любви, объ общеніи въ любви съ Господомъ и ближними. Тутъ же авторъ касается вопроса, почему заповѣдь о любви называется первой и второю заповѣдью, опредѣляетъ отличіе любви вѣсто-

завѣтной отъ любви новозавѣтной и сравнить учене Іоанне-листа Іоанна о любви съ ученіемъ о томъ же апостола Павла.

Въ четвертой главѣ говорится о любви, какъ основѣ нашего сыновняго дерзновенія предъ Богомъ, - и въ сей жизни, и въ жизни будущей, т. е. любовь разсматривается преимущественно съ эсхатологической точки зрѣнія.

Заключение образуетъ трактатъ объ отличіи христіанской любви отъ современнаго гуманизма; главная мысль здѣсь та, что любовь гуманизма къ человѣчеству есть любовь безъ почвенная и безсодержательная.

Какъ видно, сочиненіе студента Михайла Вадековскаго очень содержательное сочиненіе; написано оно стройно, послѣдовательно; встрѣчаются комбинаціи довольно оригинальныя. Самъ авторъ заявляетъ, что онъ „предприималъ трудъ съ любовью и во имя Любви“, и дѣйствительно, сочиненіе его отъ начала до конца написано въ истинно благочестивомъ духѣ и настроеніи. Никакими особеными источниками авторъ не пользовался: единственнымъ почти его источникомъ является раскрытая Библія, духъ которой, нужно сказать, онъ хорошо понимаетъ. Ссылки въ сочиненіи почти отсутствуютъ; сдѣланы только нѣкоторыя выдержки изъ извѣстнаго богословскаго словаря Кремера.

Для степени кандидата сочиненіе удовлетворительно“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Истрובה:

„Предметъ своей темы авторъ раскрываетъ съ слѣдующихъ пяти сторонъ: 1) Любовь, какъ содержаніе тринитетской жизни Божества; откровеніе ея въ твореніи міра и разумныхъ тваряхъ. 2) Высшее откровеніе любви Божественной, истинной міру въ искупленіи. 3) Любовь, какъ законъ жизни для насъ; „новая“ заповѣдь Христа Спасителя; любовь по посланіямъ апостоловъ Іоанна и Павла. 4) Любовь, какъ основаніе правды

отношении на судъ Христовомъ. 5) Заключение: гуманизмъ и христианская любовь.

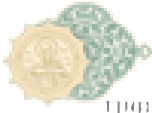
Каждая изъ этихъ сторонъ раскрыта, на основаніи прежде всего, Евангелія и посланій апостола Іоанна, другихъ, Ісаями, апостольскихъ писаній, затѣмъ—твореній отцовъ учителей церкви, произведеній иностранной и русской богословской литературы и, кое-гдѣ, русской художественной письменности. Въ работѣ автора могутъ быть указаны и нѣкоторые недостатки, но въ результатѣ ся получается полный и блестящій образъ христіанской любви, написанный съ любовію живымъ, образнымъ стилемъ. Сочиненіе свидѣльствуетъ о высоко-настроенномъ христіанскомъ чувствѣ и созерцаніи автора и, на мой взглядъ, можетъ быть названо совершенно удовлетворительною кандидатскою работою“.

11) О сочиненіи студента Стояна *Георгиева* на тему: „Очеркъ отношеній болгарской церкви къ римско-католической“.

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Дроздова:

„Авторъ даетъ довольно широкую постановку темѣ. Объяснивъ въ краткомъ предисловіи планъ своего сочиненія и указавъ источники и пособия для своей работы, онъ въ первыхъ трехъ главахъ своего изслѣдованія, служащихъ какъ бы введеніемъ, дѣлаетъ очеркъ внѣшняго и внутренняго состоянія Балканскаго полуострова и въ частности Болгаріи до половины IX вѣка, обращая въ особенности вниманіе на распространение здѣсь христіанства со времени насажденія первыхъ сѣмянъ ученія Христова апостоломъ Павломъ и на взаимныя отношенія Западно-Римской и Восточно Византійской церкви, и подробно говоритъ о крещеніи Бориса и Болгаръ; въ остальныхъ же трехъ главахъ излагаетъ отношеніе Болгаріи къ римско-католической церкви въ связи съ національно-политическою и церков-

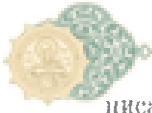
ною жизнію Болгаріи и въ частности съ исторією отношеній ея къ Константинопольской церкви со времени крещенія Бориса до учрежденія болгарской экзархіи, т. е. на протяженіи десяти вѣковъ (съ 864 по 1870 г.). Авторъ работалъ съ усердіемъ и большою любовію и выполнилъ свою задачу не безъ успѣха. Сочиненіе его представляетъ трудъ весьма старательный, отличается богатствомъ содержанія и читается съ интересомъ, но по мѣстамъ не чуждо фактическихъ неточностей и заключаетъ въ себѣ не мало излишнихъ подробностей, не имѣющихъ прямого отношенія къ дѣлу, и повтореній. Авторъ большею частью недовольтвуется изложеніемъ событій, но старается уяснить причины и взаимную связь ихъ и хотя далеко не все объясненія его могутъ быть признаны самостоятельными и основательными, тѣмъ не менѣе въ нихъ въ достаточной степени обнаруживается и здравость мысли автора и способность къ критической оцѣнкѣ фактовъ. Заслуживаетъ вниманія также большая начитанность автора, хотя намъ кажется сомнительнымъ непосредственное знакомство автора со всеми указанными имъ многочисленными источниками и пособиями на различныхъ языкахъ (латинскомъ, греческомъ, русскомъ, болгарскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ). Въ своемъ трудѣ авторъ выступаетъ горячимъ патріотомъ. Черезъ все сочиненіе красною нитью проходитъ національно-патріотическая тенденція. Онъ нерѣдко защищаетъ и выхваляетъ такіе поступки болгарскихъ дѣятелей, которые безпристрастный читатель едва ли можетъ признать похвальными. Онъ и на отношенія Болгаріи къ римско-католической и Константинопольской церкви смотритъ большею частью лишь съ національно-патріотической точки зрѣнія, — придаетъ имъ значеніе лишь настолько, насколько они могли содѣйствовать или пренятсгвовать національному развитію Болгаріи и утвержденію церковной и политической самостоятельности ея, хотя имѣетъ при этомъ въ виду и сохраненіе православія. Изъ-за своей патріотической тенденціи онъ иногда допускаетъ непоследовательности въ своихъ сужденіяхъ, по-

принять заключенія на очень шаткихъ основаніяхъ или до-
статочно объявляетъ различныя мнѣнія и историческія собо-
денія вѣрными или невѣрными. Патріотическая тенденція
истора обнаруживается также въ очень рѣзкихъ, но не всегда
исполнительныхъ сужденіяхъ его о грекахъ и Константинополь-
ской іерархіи. Но очень пріятное впечатлѣніе производитъ его
глубоко сочувственное отношеніе къ Россіи и къ ея дѣятель-
ности въ пользу національнаго развитія Болгаріи и утвержденія
въ ней православія. Что касается внѣшней стороны сочиненія,
то въ этомъ отношеніи замѣчаются неровности: нѣкоторые
отдѣлы сочиненія изложены правильнымъ, гладкимъ и даже
взычнымъ языкомъ, но въ нѣкоторыхъ встрѣчаются не только
переховатости, но и несвойственныя русскому языку выраженія,
но объясняется, повидимому, влияніемъ разнородныхъ пособій
и болѣею или меньшею степенью самодѣтельности автора. Къ
недостаткамъ изложенія слѣдуетъ отнести также замѣченную
во многихъ мѣстахъ растянутасть рѣчи. Въ общемъ рассматри-
ваемое сочиненіе можетъ быть признано, по моему мнѣнію,
многимъ удовлетворительнымъ для полученія степени кандидата“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова:

„Планъ сочиненія самимъ авторомъ излагается такъ: „въ
первыхъ двухъ главахъ мы стараемся въ краткихъ чертахъ
передать внѣшнюю исторію и внутреннее состояніе Балканскаго
полуострова и Болгаріи до половины IX в. Въ данномъ случаѣ
задача наша состоитъ прежде всего въ уясненіи взаимныхъ
отношеній Западно-Римской и Восточно-Византійской церкви
по принятію христіанства болгарами. Въмѣстѣ съ этимъ мы
слѣдимъ за всеми фазисами распространенія христіанства между
Балканскими славянами и болгарами для установленія исто-
рическаго факта, что христіанская вѣра шла къ намъ только
изъ Византіи и что церковная жизнь въ Болгаріи заграждалась
самостоятельно на чисто національной почвѣ. Это мы дѣлаемъ
еще и потому, что нѣкоторые изъ западныхъ католическихъ

писателей и миссионеров утверждают, что въ дѣлѣ распространения христіанства среди Болгаръ активное участіе принимала римская церковь, въ чемъ и стараются отыскать основные мотивы и характерныя особенности отношеній болгарской церкви къ западу. Послѣ раскрытія всѣхъ столкновеній религиозно культурнаго прогресса Запада и Востока изъ за балканскихъ церквей наканунѣ появленія и устройства болгарской церкви, мы подробно разсматриваемъ всѣ фазисы дѣятельности царя Бориса по этому поводу и его религиозной политики. Эти первые двѣ главы составляютъ вводящую часть къ нашему сочиненію. Далѣе мы приступаемъ къ изученію и изложенію и самыхъ отношеній Болгарской церкви къ Римско-католической на протяженіи цѣлыхъ десяти столѣтій, съ 864—1870 годъ“.

„Отношенія болгарской церкви къ римско-католической мы обобщаемъ въ одинъ цѣлый историческій процессъ и раскрываемъ въ четырехъ главахъ, сообразно основнымъ мотивамъ и времени ихъ появленія. Частіе. Въ третьей главѣ, излагая отношеніе царя Бориса къ Риму, мы подробно разсматриваемъ какъ называемый византійскій идеалъ въ Болгаріи, особенно въ эпоху царя Симеона, какъ характерную черту болгарскаго ортодоксализма. Въ четвертой главѣ, прежде чѣмъ приступить къ изложенію интересующихъ насъ отношеній, мы въ краткихъ чертахъ даемъ историческую картину Болгаріи за періодъ времени отъ 1018—1186 г., какъ періодъ весьма важный въ исторіи возобновленія болгарскихъ переговоровъ съ Римомъ въ духѣ Борисовской эпохи. Въ пятой главѣ мы подробно разсматриваемъ всѣ отправленія религиозно-культурной жизни Болгаріи въ связи съ ея національными идеями и отношеніями къ дѣйствующей тогда въ ней католической пропагандѣ. Въ послѣдней, шестой, главѣ мы изслѣдуемъ отношенія Болгаръ къ Римской церкви во время развитія такъ называемаго Греко-Болгарскаго церковнаго вопроса. Такъ какъ Греко-Болгарскій вопросъ оказалъ весьма важное вліяніе на ходъ отношеній

Болгарь къ римско-католической церкви, то мы находимъ умѣстнымъ предварить обзоръ отношеній Болгарь къ Риму коллективнымъ изложеніемъ исторіи этого вопроса“.

Мы привели дословно подлинное изложеніе авторомъ плана своего сочиненія. Какъ характерный образчикъ манеры автора писать тамъ, гдѣ онъ излагаетъ свои мысли съ наибольшею самостоятельностью отъ авторовъ сочиненій, коими онъ руководствовался, чтобы сдѣлать чрезъ то болѣе наглядными достоинства и недостатки его сочиненія. Какія же достоинства и недостатки усматриваются въ послѣднемъ?

Прежде всего уже изъ поверхностнаго обзора сочиненія убѣждаемся въ томъ, что г. Георгіевъ съ полною внимательностію изучилъ свой предметъ во всемъ его объемѣ, потративъ на то массу энергіи и труда. Болѣе внимательное чтеніе сочиненія показываетъ, что онъ составилъ обстоятельное представленіе о предметѣ. Далѣе находимъ, что это представленіе—обычно вѣрное, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда авторъ, увлекаясь чрезмѣрно патріотизмомъ, славяетъ и смѣшиваетъ православіе и національность въ исторіи Болгарь, что развитіе темы въ сочиненіи—логически и исторически правильное, но что частыя мысли страдаютъ подъ часъ неопредѣленностію, не позволяющей видѣть, что хотѣлъ сказать авторъ, или же не естественно соединяются между собой. Во внѣшнемъ изложеніи много нерѣдко неправильное употребленіе научныхъ терминовъ, затемняющее мысль. Языкъ сочиненія часто неправильный, что объясняется недостаточнымъ усвоеніемъ авторомъ общинарному русскаго языка. Вообще же сочиненіе можетъ быть признано очень удовлетворительнымъ кандидатскимъ сочиненіемъ“.

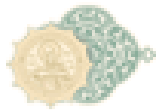
11) О сочиненіи студента Александра *Голлерова* на тему: „Проповѣди Ософана Говорова, бывшаго епископа Владимірскаго“.

а) Доцента, священника А. Глаголева:

„Задачу своего сочинения студент Гомеровъ поставляетъ въ томъ, чтобы разсмотрѣть проповѣди ев. Оеофана со стороны содержанія и со стороны изложенія, показать ихъ характерныя особенности въ томъ и другомъ, ихъ оригинальность и достоинство (предисл. стр. II).

Съ этою цѣлю, авторъ во введеніи предлагаетъ сжатый, но достаточно содержательный очеркъ жизни преосв. Оеофана, отмѣняя аскетическую настроенность святителя съ раннихъ лѣтъ жизни и показывая, что настроенность эта ярко отразилась во всѣхъ произведеніяхъ, въ частности, и проповѣдяхъ преосв. Оеофана. Затѣмъ, въ первой главѣ сочиненія обзрѣвается содержаніе проповѣдей, имѣющихъ такое или иное отношеніе къ современной проповѣднику дѣйствительности, облачающихъ вольнодумство, невѣріе, расколъ и проч. и утверждающихъ, въ виду этихъ явленій, истинно христіанскія начала жизни и развитія. Во второй главѣ разсматриваются по содержанію проповѣди пр. Оеофана, не имѣющія отношенія къ современности: догматическія, о богослуженіи и храмѣ, и болѣе всего нравоучительныя. Третья глава сочиненія заключаетъ въ себѣ характеристику виѣшней стороны проповѣдей пр. Оеофана: ея формы и строенія, источниковъ, манеры изложенія, приемовъ. Сочиненіе заканчивается краткою характеристикою проповѣдническаго таланта пр. Оеофана и указаніемъ нравственно-воспитательнаго общественнаго значенія его проповѣдей.

Авторъ усердно изучилъ проповѣдническіе труды пр. Оеофана, какъ со стороны заключающагося въ нихъ ученія, такъ и со стороны гомилетической техники и представилъ въ своемъ сочиненіи достаточно полный и обстоятельный обзоръ проповѣдей пр. Оеофана въ томъ и другомъ отношеніи. Въ виду сказаннаго сочиненіе студента Гомерова вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

о) Заслуженного ординарного профессора В. Пѣвницкаго:

„Сочиненіе состоитъ изъ предисловія, введенія и трехъ главъ.

Въ предисловіи опредѣлена задача сочиненія и указаны особы, какими пользовался авторъ.

Во введеніи представленъ краткій біографическій очеркъ покойнаго епископа Теофана, съ указаніемъ выдающихся чертъ его духовной личности, при чемъ особенно выставлено его аскетическое настроеніе, нашедшее выраженіе и въ его проповѣдяхъ. Здѣсь же авторъ кратко перечисляетъ его литературные труды и сообщаетъ бібліографическія свѣдѣнія о его проповѣдяхъ, которыхъ насчитываетъ 272, и ихъ изданіяхъ.

Главную задачу своего сочиненія авторъ поставляетъ въ томъ, чтобы дать подробный анализъ содержанія проповѣдей, чему посвящены двѣ первыя главы сочиненія.

Проповѣди покойнаго преосвященнаго Теофана общаго, главнымъ образомъ нравоучительнаго содержанія. Но авторъ находитъ нѣсколько проповѣдей (41), отвѣчающихъ на запросы времени, направленныхъ противъ недостатковъ современнаго ему общества, и характеристикъ этихъ проповѣдей онъ посвящаетъ первую главу своего изслѣдованія, называя эти проповѣди не совсѣмъ точно религіозно-практическими. Характеристикъ проповѣдей, называемыхъ имъ религіозно-практическими, онъ предпосылаетъ очеркъ эпохи шестидесятыхъ годовъ, рисуя эту эпоху слишкомъ мрачными красками, чему подтвержденіе онъ находитъ въ проповѣдяхъ преосвященнаго Теофана, возмущавшагося тѣми антицерковными и антирелигиозными реченіями, какія замѣчалъ онъ въ современномъ обществѣ.

Во второй главѣ, послѣ указанія содержанія немногихъ огматическихъ проповѣдей покойнаго Теофана, авторъ подробно излагаетъ правоученіе, раскрытое въ его проповѣдяхъ, посвященныхъ главнымъ образомъ уясненію пути спасенія, при

чемъ отмѣчаетъ аскетическій оттѣнокъ ихъ, ясно видимый и въ выборѣ темъ и ихъ развитіи.

Последняя, третья, глава посвящена уясненію ви́шней стороны проповѣдей Теофана. Здѣсь авторъ болѣе всего говоритъ о построеніи проповѣдей Теофана, и пускается въ издлинныя разглагольствованія о томъ, какіе у него приступы, гдѣ онъ помѣщаетъ нравственное приложеніе, какія у него заключенія и т. под.. Болѣе краткія замѣчанія, но для дѣла болѣе важныя, авторъ сообщаетъ о тѣхъ источникахъ, какими пользовался преосв. Теофанъ при изложеніи своихъ поученій, и объ особенностяхъ его языка.

Свое изслѣдованіе авторъ заключаетъ общимъ похвальнымъ отзывомъ о проповѣдяхъ преосвященнаго Теофана, называя ихъ глубоко прочувствованными бесѣдами пастыря—подвижника, умудреннаго опытомъ всѣхъ христіанскихъ вѣковъ и собственною жизнію, о путяхъ ко спасенію, о христіанскомъ совершенствованіи и т. под.

Изъ представленнаго очерка содержанія сочиненія Гоме-рова видно, что онъ вполне ознакомился съ своимъ предметомъ и представилъ о немъ довольно обстоятельное изслѣдованіе. Мысль его развивается логически, и изложеніе чистое и ясное.

Степени кандидата сочиненіе вполне заслуживаетъ“.

13) О сочиненіи студента Веніамина *Димитрова* на тему: „Религіозное состояніе Македоніи со времени паденія Охридской Болгарской Архіепископіи до учрежденія Болгарскаго Экзархата (1767—1870 г.)“

а) И. д. доцента *Θ. Мищенко*:

„Въ сочиненіи В. Димитрова 663 (41 | 622) страницъ пространность много вредитъ его достоинствамъ: изреченія и словеса часто многословны, цитаты—слишкомъ длинны (многіе приводятся буквально чуть-ли не цѣлыми главами словъ),

изложение событий, имѣющихъ подчасъ побочное отношеніе къ изслѣдуемому предмету, излишне обстоятельно. Другую характерную черту сочиненія составляетъ горячій патріотизмъ автора, проникающій все изслѣдованіе отъ начала до конца мыслью о національномъ возрожденіи болгарскаго народа, исподвѣдуетъ надъ всѣмъ сочиненіемъ. Къ уясненію этой мысли относится весь матеріалъ; съ точки зрѣнія ея разсматриваются всѣ событія и оцѣниваются историческіе дѣятели; она положена въ основу плана работы. Въ виду этой идеи вниманіе автора сосредоточивается главнымъ образомъ на событіяхъ еретико-политическихъ и чертахъ религіознаго быта болгарскаго народа, такъ какъ въ вопросахъ національной самостоятельности политика и бытъ имѣетъ самое важное значеніе. Такая постановка изслѣдованія отчасти имѣетъ основаніе: въ разсматриваемую эпоху вопросъ о самобытности болгарской церкви въ Македоніи заслонялъ собою всѣ другіе, но, при такой постановкѣ, сочиненіе пострадало въ своей научной объективности и всесторонности. Отъ патріотизма автора, замѣтимъ между прочимъ, особенно достается грекамъ и туркамъ. Но патріотическое одушевленіе имѣло и свою хорошую сторону: оно внушило автору любовь къ изслѣдованію взятаго предмета: трудъ его для одного года огромный, осведомленность въ литературѣ предмета весьма обширная; онъ пользуется не только учеными изслѣдованіями, но тщательно собираетъ статьи и выѣзки публицистической прессы времени разгара греко-болгарской распри; онъ съ любовью изучалъ исторію родной страны, и изучалъ ее, вѣроятно, не одинъ годъ. Располагая ничтожнымъ кругомъ пособій, авторъ не становится въ рабскую отъ нихъ зависимость, но, справляясь съ первоисточниками, ясно и опредѣленно выражаетъ собственные сужденія.

Планъ сочиненія если и не можетъ быть признанъ совершеннымъ, обнимающимъ предметъ со всѣхъ сторонъ, все же имѣетъ послѣдовательность въ изложеніе матеріала, и сочиненіе

Димитрова отнюдь не производить впечатлѣнія безпорядочности. Разсматриваемую эпоху Димитровъ дѣлитъ на три періода: періодъ угнетенія болгаръ турками и греками, періодъ возрожденія національнаго ихъ сознанія, выразившагося въ литературной и общественной борьбѣ съ греками и турками и, наконецъ, періодъ формальнаго разрыва съ греческой церковью закончившагося учрежденіемъ болгарскаго экзархата. В каждомъ изъ періодовъ по главамъ излагается исторія Болгарской Македоніи со стороны церковно-политической и религіозно-бытовой. Здѣсь можно указать нѣсколько примѣровъ въ частности: напр., въ первомъ періодѣ, въ главѣ „Христіанская жизнь“ описываются, между прочимъ, обычаи болгаръ при празднованіи святочныхъ дней; во второмъ періодѣ въ соотвѣтствующей главѣ говорится объ обычаяхъ при похоронахъ исповѣди и т. п. — какъ будто въ первомъ періодѣ не былъ похоронныхъ обычаевъ, а во второмъ святочныхъ.

По содержанію своему сочиненіе богато интереснымъ бытовымъ и историческимъ матеріаломъ.

Русскій языкъ Димитрова часто погрѣшаетъ противъ фонетики, иногда противъ грамматики; но построеніе фразъ у него, вообще правильное и часто красивое, обнаруживаетъ въ немъ человека, владѣющаго литературнымъ стилемъ. Можно надѣяться, что у себя на родинѣ и на своемъ родномъ языкѣ онъ будетъ виднымъ писателемъ-патріотомъ.

Для степени кандидата богословія сочиненіе удовлетворительно“.

б) Ординарнаго профессора В. Завитневича:

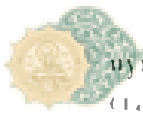
Сочиненіе состоитъ изъ введенія и трехъ частей, по раздѣляющихся въ общемъ на одиннадцать главъ. Введеніе посвящено географическо-этнографическому обзору Македоніи общему очерку состоянія ея въ періодъ времени, предшествовавшій паденію Охридской Архіепископіи — Первая часть обнимающая періодъ времени отъ уничтоженія Охридск

Архипиепископiя (1767 г.) до провозглашенiя Гюльханскаго гатти-шерифа (1839 г.), дѣлится на пять главъ, содержан которыхъ распредѣлено по слѣдующимъ рубрикамъ: Политическое рабство Болгаръ подъ гнетомъ Турокъ (гл. 1),—духовное рабство подъ давленiемъ Грековъ—фанаріотовъ (2 гл.), богослуженіе (3 гл.), состояніе просвѣщенiя (4 гл.) и христiанская жизнь.—Вторая часть, обнимающая дальнѣйшій періодъ времени до перваго непоминовенiя Константинопольскаго патрiарха въ болгарскихъ храмахъ (1860 г.), тоже дѣлится на пять главъ. Здѣсь авторъ сначала знакомитъ съ условiями изданiя двухъ правительственныхъ актовъ: Гюльханскаго гатти-шерифа (1839 г.) и гатти—гумаюна (1856 г.), дѣлаетъ ихъ анализъ и опредѣляетъ ихъ дѣйствительное значеніе (1 гл., далѣе идетъ рѣчь о состоянiи Церкви подъ управленiемъ греческой іерархіи и о первыхъ слѣдахъ національнаго возрожденiя Болгаръ (2 гл.); затѣмъ идутъ главы, посвященныя христiанской жизни народа (3 гл.), просвѣщенiю (4 гл.) и новѣйшій (католической и протестантской) пропагандѣ въ Болгаріи (5 гл.). Въ третьей части, состоящей только изъ одной главы, дѣлается очеркъ борьбы Болгаръ съ Константинопольскимъ патрiархатомъ за церковную и національную самобытность въ періодъ времени до провозглашенiя болгарскаго экзархата султанскимъ фирманомъ 1870 года.

Хотя сочиненіе г. Димитрова, какъ на первый взглядъ, можетъ показаться, перегнать разнообразіемъ разсматриваемыхъ вопросовъ, но въ дѣйствительности все его содержаніе направлено къ одной основной цѣли: авторъ поставилъ своею задачею съ одной стороны, нарисовать картину бѣдственнаго состоянiя болгарскаго народа подъ двойнымъ игомъ—политическимъ Турокъ и церковнымъ и экономическимъ—Грековъ фанаріотовъ съ другой стороны, намѣтить важнѣйшіе моменты борьбы болгаръ за церковную и національную независимость и самобытность. Эта основная мысль красною нитью проходитъ чрезъ все сочиненіе, ее опредѣляется не только подборъ матеріала

и самые научные приемы и тонъ сочинения Г. Димитровъ горячій патріотъ; онъ чистосердечно сознается, что не можетъ равнодушно относиться къ бѣдственному состоянию своего отечества и потому не щадитъ красокъ для характеристики образа дѣйствій его враговъ. — Турокъ и особенно Грековъ. Помня то, что при такомъ отношеніи къ дѣлу автору было трудно стати на точку зрѣнія холоднаго, объективнаго изслѣдователя, трудно было строго критически отнестись къ тѣмъ научнымъ даннымъ, которыми ему приходилось пользоваться, тѣмъ болѣе, что болгарскій народъ въ данную пору дѣйствительно переживалъ тяжелыя минуты, которыя были тѣмъ трагичнѣе, что, вслѣдствіе пробудившагося національнаго самосознанія, подневольное состояніе Болгаріи стало особенно живо чувствоваться. Здѣсь же причина того, что авторъ нѣсколько уклонился отъ прямой своей задачи, расширивъ ее болѣе, чѣмъ этого требовала тема. Но если малосдерживаемое патріотическое чувство помѣшало автору съ строгаонаучною объективностью отнестись къ предмету своего изслѣдованія, то это же чувство обусловило нѣкоторыя цѣнныя стороны настоящаго обширнаго по объему (622 стр.) труда. Авторъ отнесся къ своей задачѣ съ горячею любовью, изучилъ предметъ внимательно; высказываемыя имъ мысли не только продуманы, но и прочувствованы и изложены въ стройной системѣ, хорошимъ языкомъ, хотя и облачающимъ по мѣстамъ иноземное происхожденіе автора. Принимая во вниманіе, что руководившее авторомъ патріотическое чувство принадлежать къ благороднѣйшимъ движеніямъ человеческой души, съ которыми нельзя не считаться, полагаю, что къ вызванному этимъ чувствомъ слабымъ сторонамъ сочинения слѣдуетъ отнестись снисходительно и признать работу г. Димитрова вполне удовлетворительною кандидатской диссертацией".

14) О сочиненіи студента Алексѣя *Ципина* на тему: „Малороссійское духовенство во второй половинѣ XVIII в. (по

пунктамъ малороссійскаго духовенства, представленнымъ въ Салернскую комиссію для составленія новаго уложенія“).

а) И. д. доцента О. Мищенко:

„Написанное просто и изящно, живо рисующее бытъ малоросскаго духовенства во второй половинѣ XVIII вѣка, сочиненіе А. Діанина читается легко и съ интересомъ, превращая грудь рецензента въ отдыхъ и наслажденіе. Правда, не всѣ достоинства сочиненія должны бытъ всецѣло вѣдѣны Діанину: „пункты“ малороссійскаго духовенства сами по себѣ представляютъ весьма интересный и отчасти даже упорядоченный историческій матеріалъ; но неоспорима и заслуга Діанина, сумѣвшаго сообщить этому матеріалу изящную форму, пояснявшю его въ должныхъ мѣстахъ историческимъ комментариемъ, давшего ему въ извѣстной степени историко-критическую оцѣнку. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ работа Діанина межегъ бытъ развинута и вширь, и вглубь, но въ намѣченной дозѣ она исполнена весьма умѣло. Разумѣется, чѣмъ шире знаніе эпохи, тѣмъ лучше можетъ бытъ использованъ отдѣльный памятникъ ея: Діанинъ пока въ своихъ сужденіяхъ и поясненіяхъ пользовался (и пользовался весьма умѣло) чужими изслѣдованіями касательно ообразившейся въ „пунктахъ“ эпохи; всякое расширение свѣдѣній его объ этой эпохѣ, какъ по изслѣдованіямъ, такъ и по первоисточникамъ, дастъ возможность ему шире и глубже повести собственное изслѣдованіе.

Въ качествѣ недостатковъ работы даже въ намѣченныхъ авторомъ предѣлахъ можно указать слѣдующее: не использованъ весь матеріалъ, даже прямо данный въ „пунктахъ“, такъ, напр., въ „пунктахъ“ довольно ясно ообразился административный бытъ приходскаго духовенства; Діанинъ управленію духовенства не удѣляетъ вниманія. Въ пользованіи „пунктами“, какъ историческимъ памятникомъ онъ иногда относится къ нимъ, повициному, съ излишнимъ довѣріемъ, а почасъ даже какъ бы самъ начинаеть смогрѣть на вещи глазами составителей „пунк-

товѣ", такъ, напр., онъ излагаетъ, если не въ сочувственномъ тонѣ, то во всякомъ случаѣ безъ тѣни критическаго отношенія мотивированное ходатайство пунктовъ о возстановленіи правъ духовенства на винокуреніе, открытіе „шинковъ“ и продажу полки. Въ планѣ сочиненія II отдѣлъ посвященъ имущественнымъ правамъ духовенства, а весьма сродный съ нимъ по содержанию отдѣлъ о средствахъ содержанія духовенства отнесенъ на самый конецъ сочиненія, отдѣляясь отъ него изслѣдованіями о судѣ, повинностяхъ и образованіи.

Но эти недостатки отступаютъ на второй планъ передъ положительными качествами работы. Какъ кандидатское сочиненіе, работа Діанина можетъ быть отмѣчена высшимъ балломъ“.

б) Экстраординарнаго профессора, священника Ѳ. Титова:

„Въ самомъ концѣ 1766 года Императрица Екатерина II издала распоряженіе образовать комиссію для составленія новаго уложенія. Важное это дѣло было задумано на широкихъ началахъ. Почти всѣ сословія тоговременнаго русскаго общества были приглашены выслать своихъ депутатовъ въ Коммиссію для заявленія своихъ нуждъ и желаній. Одно только духовенство было при этомъ пропущено. Въмѣсто того Св. Синодъ долженъ былъ назначить въ Коммиссію своего депутата, который, разумѣется, имѣлъ быть представителемъ всего вѣдомства, а не сословія духовнаго. Къ счастью, самъ Св. Синодъ шире и правильнѣе посмотрѣлъ на свои обязанности въ отношеніи къ Коммиссіи. Онъ рѣшилъ снабдить своего депутата по возможности обширными полномочіями и надлежащими свѣдѣніями о нуждахъ духовенства. Съ этою цѣлію Св. Синодъ потребовалъ чрезъ епархіальныхъ архіереевъ свѣдѣнія отъ духовенства о его нуждахъ и желаніяхъ. Особое распоряженіе было сдѣлано на счетъ доставленія подобныхъ свѣдѣній малороссійскимъ духовенствомъ. Въ отвѣтъ на это требованіе духовенство—монашествующее и бѣлое—трехъ малороссійскихъ

труху - Киевской, Черниговской и Переяславской—чрезъ своихъ рхисевъ представило свои пункты, въ которыхъ подробно выразило свои нужды и желанія въ виду подготавливавшегося постановленія. Пункты эти, равно какъ и вся работа Коммиссiи, въ которой они предназначались, имѣли минимальный практический результатъ. Но тѣ же самые пункты имѣютъ весьма важное значеніе историческое. Они представляютъ документъ, который, съ одной стороны, рельефно и полно изображаетъ жизнь, служебное положеніе и бытъ малороссійскаго духовенства, а съ другой—его *ria desideria*. Въ трехъ главахъ, представляемыхъ краткѣмъ введеніемъ, авторъ изображаетъ положеніе и бытъ малороссійскаго духовенства во второй половинѣ XVIII в. на основаніи означенныхъ пунктовъ. Въ первой главѣ (стр. 17—140), распадающейся, въ свою очередь, на четыре отдѣла, изображается правовое положеніе малороссійскаго духовенства во второй половинѣ XVIII в. общее и, въ частности, въ отношеніи личныхъ правъ (стр. 29—39), имущественныхъ (39—79 стр.), гражданскихъ (уплаты податей и повинностей, стр. 79—104) и судебныхъ (стр. 104—140); во второй главѣ (стр. 141—164)—образованіе и въ третьей (стр. 165—171)—материальное обезпеченіе духовенства.

Методъ изслѣдованія предмета избралъ авторомъ такой: о всѣхъ вышеуказанныхъ отношеніяхъ авторъ изображаетъ сначала реальное положеніе малороссійскаго духовенства во второй половинѣ XVIII в., затѣмъ—идеальное (правовое). Въ заключеніе излагаетъ *ria desideria* духовенства. Благодаря этому, сочиненіе его даетъ весьма полную и выразительную картину положенія малороссійскаго духовенства во второй половинѣ XVIII в.

Авторъ обстоятельно ознакомился съ обширною литературою предмета, хорошо выразумѣлъ чрезвычайно трудную первую задачу и свое сочиненіе изложилъ весьма чистымъ и яснымъ языкомъ.

Какъ кандидатская диссертация, сочинение студента Алексѣя Дранина можетъ быть признано весьма хорошимъ."

15) О сочинении студента іеромонаха Досіея (Василья) на тему: „Дѣйствительность чуда воскресенія Христа Спасителя изъ мертвыхъ“.

а) Доцента С. Несоцкого:

„По самому смыслу темы, задачей сочиненія о. Досіея Василья должно было быть приведеніе положительныхъ фактическихъ основаній въ пользу дѣйствительности чуда воскресенія Христа Спасителя изъ мертвыхъ,—разумѣется вмѣстѣ съ разборомъ и отрицательныхъ воззрѣній, высказываемыхъ сторонниками западнаго рачіонализма по поводу тѣхъ или иныхъ данныхъ, указывающихъ на воскресеніе Спасителя изъ мертвыхъ, какъ на историческій фактъ. Такъ и поступаетъ о. Досіей. Во введеніи къ своему сочиненію, послѣ нѣкоторыхъ вступительныхъ замѣчаній, онъ говоритъ о вліяніи факта воскресенія Іисуса Христа на историю христіанства, намѣчаетъ воззрѣнія рачіоналистовъ на чудо воскресенія Спасителя, выясняетъ задачу своего изслѣдованія и указываетъ планъ его.

Въ первой главѣ авторъ останавливается на исторіи смерти Христа Спасителя, какъ такого предшествующаго даннаго, которое необходимо предполагается самымъ фактомъ воскресенія Господа, приводя въ пользу дѣйствительности этой смерти Спасителя, указываетъ и разбираетъ рачіоналистическую теорію о мнимой или призрачной смерти Іисуса Христа и, покончивъ съ этой теоріей, дѣлаетъ переходъ къ другимъ теоріямъ, допускающимъ дѣйствительность смерти Спасителя и отрицающимъ только воскресеніе Его. Самымъ разборомъ этихъ теорій (именно теорій, смотрящей на воскресеніе Іисуса Христа съ точки зрѣнія субъективнаго идеализма, и теорій видѣній—объективныхъ и субъективныхъ)

авторъ занимается во второй главѣ своего сочиненія. Въ третьей главѣ авторъ останавливается на евангельскомъ повѣствованіи о пустотѣ гроба Спасителя ко времени посѣщенія его мироносицами и апостолами, какъ свидѣтельство дѣйствительности воскресенія Спасителя, — давая надлежащее мѣсто разбору и раціоналистическихъ позрѣній, пытающихся объяснить эту пустоту гроба Господа естественнымъ путемъ. Въ четвертой главѣ авторъ говоритъ о новомъ свидѣтельствѣ въ пользу воскресенія Христова, — именно о явленіи Спасителя Савлу на пути въ Дамаскъ, разбирая опять и раціоналистическія возрѣнія на историческій фактъ обращенія ап. Павла. Въ пятой главѣ сочиненія о. Досіея воскресеніе Спасителя подтверждается фактомъ вѣры апостоловъ въ это воскресеніе ихъ Учителя и основанной на этой вѣрѣ исторіи ихъ благовѣстничества. И наконецъ въ заключеніи высказываются соображенія о значеніи воскресенія Христа Спасителя для нашей вѣры вообще.

Говоря о достоинствахъ сочиненія о. Досіея Васица, нельзя не отмѣтить прежде всего вдумчивости, основательности и обстоятельности, съ какими авторъ располагалъ и развивать матеріалъ своего изслѣдованія. Читатель его сочиненія не можетъ не видѣть хорошаго знакомства автора съ обширною литературою своего предмета и умѣнья пользоваться ею для своей цѣли. Возраженія раціоналистовъ находятъ себѣ въ о. Досіеѣ основательнаго противника, убѣжденнаго въ томъ, что онъ высказываетъ, и проникнутаго благочестивымъ чувствомъ. Сочиненіе автора было бы еще лучше съ внутренней точки стороны, если бы изъ него было удалено то (впрочемъ немногое), что не имѣетъ ближайшаго отношенія къ предмету изслѣдованія; отъ этого сочиненіе много выиграло бы въ стройности, складности и иногда даже логичности общей нити разсужденій. Къ сожалѣнію, нельзя умолчать о внѣшней сторонѣ сочиненія; изложеніе его заставляетъ желать очень много; обиліе мѣстъ, мало говорящихъ объ умѣнии автора

выражаться правильно русскою рѣчью, немалое количество даже грубыхъ грамматическихъ ошибокъ—все это ослабляетъ то благопріятное впечатлѣніе, какое выносить читатель отъ содержанія сочиненія.

Но если имѣть въ виду, что эти недостатки внѣшности сочиненія говорятъ только о *полной* принадлежности его автору—иностранцу,—въ отношенія и пользованія его источниками и пособіями русскими и иностранными, и дѣлаемыхъ имъ выводовъ изъ нихъ, а самого выраженія и изложенія на русскомъ языкѣ своихъ мыслей,—то нельзя не покрыть этихъ внѣшнихъ недостатковъ добрыми, положительными качествами сочиненія о. Досвоя Васяча; и по суммѣ этихъ качествъ разсматриваемое сочиненіе должно быть признано очень хорошею кандидатскою диссертацией“.

б) Экстраординарнаго профессора А. Булгакова:

„Пять главъ сочиненія о. Досвоя представляютъ изложеніе теорій „мнимой смерти“ Христа Спасителя и такъ называемой „визіонерной теоріи“ и предположеній, объясняющихъ пустоту гроба Его, а также разсужденій по поводу свидѣтельствъ св. апостола Павла о воскресеніи Христовомъ и объясненій въ виду переменъ настроенія учениковъ Христовыхъ начиная съ третяго дня послѣ крестныхъ страданій и смерти Господа Іисуса Христа, представляемыхъ врагами Христіанства съ цѣлію подорвать вѣру въ Его сверхъестественное происхожденіе. Авторъ изъясъ на себя опроверженіе названныхъ теорій.—Съ этою цѣлію онъ собралъ, какъ кажется, весь существующій въ христіанской апологетикѣ матеріалъ и постарался изложить его въ системѣ. Строго говоря, документальныхъ данныхъ, онъ напрягъ всю силу своего мышленія, чтобы изложить добытыя имъ знанія на перодомъ для себя русскою языкомъ. Сочиненіе его читается отъодаря этому *по* легко. Но оно производитъ благопріятное впечатлѣніе *слово* ибры въ излагаемая истины и искренности тона, который

треть авторъ въ опроверженіи раціоналистическихъ теорій: онъ побѣдоносно задаетъ вопросы и подаетъ совѣты, не обращая вниманія на то, живо ли то лицо, съ которымъ ему приходится полемизировать, или же оно сошло въ могилу. прочемъ этотъ немного смѣшной приѣмъ встрѣчался прежде въ апологетическихъ трудахъ и болѣе опытныхъ апологетовъ, чѣмъ начинающій писатель о. Досиѣей.

Авторъ поставилъ себѣ двѣ „аналитическихъ“ задачи и одну—„синтетическую“, именно: критическое обозрѣніе историческихъ данныхъ, т. е. свидѣтельствъ о Воскресеніи; разсмотрѣніе и критическую оцѣнку выводовъ отрицательнаго направленія („обозрѣніе мифній“); наконецъ: объединеніе выводовъ изъ анализа,—добытыхъ предшествовующею работою. Но исполненіе аналитической части не вызывалось необходимостью, потому что критическое обозрѣніе свидѣтельствъ о Воскресеніи въ сущности есть критическое обозрѣніе возраженій противъ единности ихъ. Было бы гораздо систематичнѣе автору дѣлать это совмѣстно; тогда онъ избѣгъ бы необходимости возвращаться къ одному и тому же отрицательному критику по нескольку разъ.

Во всякомъ случаѣ названное сочиненіе свидѣтельствуетъ трудолюбіи автора и его широкомъ знакомствѣ съ предметомъ исследования, хотя, конечно, знакомился онъ съ нимъ не непосредственно по первоисточникамъ, а чрезъ пособія на русскомъ языкѣ. Искомой степени авторъ заслуживаетъ“.

16) О сочиненіи студента Ардаліона *Дѣвизкаго* на тему: Киевская митрополичья кафедра въ XVII вѣкѣ (до присоединенія Киевской митрополіи къ Московскому патріархату)“.

а) И. д. доцента *Θ. Миценко*:

„Сочиненіе свое А. Дѣвизкій начинаетъ заявленіемъ: исследование наше составляетъ продолженіе труда профессора Петровскаго Духовной Академіи Владиміра Петровича Рыбническаго.

„Киевская митрополичья кафедра съ половины XIII до конца XVI вѣка“; — уважаемому автору мы обязаны планомъ нашей работы, съ вмѣненіемъ содержанія первой главы“. Дѣйствительно, 2, 3 и 4-я главы въ сочиненіи Дѣвицкаго озаглавлены такъ же, какъ и въ изслѣдованіи профессора В. П. Рыбинскаго, но измѣненіе содержанія первой главы“ явилось такою перестройкою, которая лишила внутренняго единства и внѣшней пропорціональности планъ профессора В. П. Рыбинскаго. Дѣвицкий не составилъ себѣ опредѣленнаго понятія о предметѣ изслѣдованія, и въ то время, какъ у профессора В. П. Рыбинскаго первая глава посвящена вопросу объ отношеніи русскихъ митрополитовъ къ киевской кафедрѣ, какъ центральному церковно-областному въ Киевѣ учрежденію, Дѣвицкий трактуетъ въ первой главѣ о епархіально-административной дѣятельности киевскихъ митрополитовъ вообще, по разнообразнѣйшимъ сторонамъ епархіальной жизни (о чемъ только ни попадался матеріалъ) и въ отношеніи ко всей епархіальной, или точнѣе — митрополичьей области. При такой постановкѣ, нѣтъ ничего удивительнаго, что первая глава у Дѣвицкаго разрослась до размѣровъ, превосходящихъ собою три остальные, взятые вмѣстѣ (изъ 100 стр. сочиненія на долю первой главы приходится 228). Исторія управленія Киевской епархіею излагается здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ по лицамъ, правившимъ митрополіею, и сопровождается краткими біографическими свѣдѣніями о каждомъ владыкѣ. Вторая глава посвящена Киево-Софійскому собору. Если у профессора В. П. Рыбинскаго послѣ обзора отношеній киевскихъ владыкъ къ своей кафедрѣ переходъ къ рѣчи о состояніи за время этихъ отношеній кафедральнаго киевскаго собора является естественнымъ, то у Дѣвицкаго послѣ широкой главы объ управленіи всею киевскою епархіею, главы, обозрѣвавшей уже и заботы владыкъ о возстановленіи и благоустройствѣ храмовъ какъ внѣ Киева, такъ и въ самомъ Киевѣ, переходъ къ особой главѣ о Киево-Софійскомъ соборѣ является неожиданнымъ. Въ третьей главѣ говорится о землемѣрахъ владѣ

ниях киевской каеодры. Здѣсь можно спросить, — почему не сдержанъ содержанія вообще? Ссылка на недостатокъ свѣдѣній той эпохи, изслѣдуемой Дѣвицкимъ, можетъ имѣть только отчасти оправдывающее значеніе: указанія на другіе источники содержанія каеодры, кромѣ земли, есть въ сочиненіи самого же Дѣвицкаго. Четвертая глава изслѣдуетъ предѣлы митрополитчей епархіи, говоритъ, такъ сказать, объ административныхъ владѣніяхъ киевской каеодры. Вслѣдствіе расширенія содержанія первой главы, сочиненіе является лишенымъ единства предмета, и главы его кажутся отдѣльными трактатами, каждый на свою тему. Впрочемъ, взятые порознь трактаты эти составлены довольно хорошо и прочтываются съ интересомъ. Матеріалъ сочиненія весьма интересенъ, изложеніе легкое и, говоря вообще, правильное. Составлено сочиненіе частію по первоисточникамъ, частію при научныхъ пособіяхъ; для степени кандидата богословія удовлетворительно“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева:

„Сочиненіе студента Дѣвицкаго, по'его заявленію, есть продолженіе труда профессора нашей Академіи В. П. Рыбинскаго во дни студенчества составившаго и потомъ отпечатаннаго изслѣдованіе о „Кіевской митрополитчей каеодрѣ съ началъ XIII до конца XVI столѣтія“. Сему уважаемому профессору авторъ обязанъ и планомъ своей работы „съ измѣненіемъ содержанія первой главы“. Это измѣненіе состоятъ въ томъ, что авторъ ввелъ въ означенную главу біографическія свѣдѣнія о кіевскихъ митрополитахъ и іерархахъ, управившихъ митрополіею за рассматриваемое время, чѣмъ до крайности усложнилъ свою задачу и естественно не могъ надлежащимъ образомъ съ нею справиться. Его первая глава представляетъ рядъ компилятивныхъ очерковъ, научнаго значенія не имѣющихъ. Цѣннѣе вторая глава сочиненія, гдѣ авторъ трактуетъ о судьбѣ Кіево-Софійскаго собора за рассматриваемый имъ періодъ. Группируя существующія по

Объявленія.

ЖУРНАЛЪ

„Труды Кіевской Духовной Академіи“

въ 1904 году

(пять изданій сорокъ пятый)

имѣтъ выходить по прежней программѣ.

Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Духовной Академіи, по предметамъ общедружественнымъ и по извоженію поступающимъ болышинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить прологомъ изданію подъ общимъ заглавіемъ „Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“

Вышли въ свѣтъ и продаются въ редакціи новыя книги: 1) „Учено-богословскіе и церковно-проповѣдническіе опыты студентовъ Кіевской Духовной Академіи“. Выпускъ I. Кіевъ. 1904. Стр. 451. Цѣна 2 р. 50 к. съ перес. 2) А. Замыatina. Покаяніе и его значеніе для нравственной жизни христіанина. Кіевъ. 1904, стр. 221. Ц. 1 р. 20 к. съ перес. 3) „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи. Отдѣленіе II (1721—1795). Томъ I (1721—1751 г.г.). Части I—II. Съ введеніемъ и примѣчаніями Н. П. Петрова. Цѣна 3 р. 50 к. съ перес. каждая. 4) П. Крапина. Государственный культъ Израильскаго (десятикопѣнного) царства. Кіевъ. 1904. Стр. XXVI + 235. Ц. 1 р. 50 к.